

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ТГЯиМКК
_____ О.В. Магировская
« _____ » _____ 2021 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В
БРИТАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ:
МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

45.04.02 Лингвистика
45.04.02.01.00 Межкультурная коммуникация и перевод

Магистрант	_____	В.В. Белёва
Научный руководитель	_____	канд. филол. наук, доц. кафедры ТГЯиМКК Ю.И. Детинко
Нормоконтролер	_____	Я.М. Янченко

Красноярск 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА В СМИ.....	8
1.1. Метафора в аспекте лингвистических исследований.....	8
1.1.1. Подходы к определению метафоры и метафорического образа....	8
1.1.2. Способы определения метафоры в тексте.....	12
1.1.3. Проблема типологического описания метафоры.....	15
1.2. Особенности репрезентации образа государства в аспекте дихотомии «свой – чужой»	21
1.2.1. Особенности изучения дихотомии «свой – чужой»	21
1.2.2. Репрезентация «свой – чужой» через призму национальной идентичности.....	25
1.2.3. Монокультурная и межкультурная перспективы в аспекте взаимодействия со «своим».....	29
1.3. Медиадискурс как среда репрезентации образа государства.....	33
1.3.1. Подходы к пониманию медиадискурса и медиатекста.....	33
1.3.2. Методы представления культурозначимой информации посредством медиатекста.....	39
1.3.3. Мультиmodalность как свойство медиатекста.....	43
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	49
ГЛАВА 2. МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В МОНОКУЛЬТУНОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВАХ.....	51
2.1. Газета <i>the Guardian</i> в британском медиадискурсе.....	51
2.2. Метафорическая репрезентация образа Великобритании.....	53
2.2.1. Репрезентация образа Великобритании посредством природоморфной метафоры.....	53
2.2.1.1. Монокультурная перспектива изучения природоморфной метафоры.....	54
2.2.1.2. Межкультурная перспектива изучения природоморфной метафоры.....	60
2.2.2. Репрезентация образа Великобритании посредством артефактной метафоры.....	64
2.2.2.1. Монокультурная перспектива изучения артефактной метафоры.....	64
2.2.2.2. Межкультурная перспектива изучения артефактной	

метафоры.....	69
2.2.3. Репрезентация образа Великобритании посредством социоморфной метафоры.....	72
2.2.3.1. Монокультурная перспектива изучения социоморфной метафоры.....	72
2.2.3.2. Межкультурная перспектива изучения социоморфной метафоры.....	79
2.2.4. Репрезентация образа Великобритании посредством антропоморфной метафоры.....	82
2.2.4.1. Монокультурная перспектива изучения антропоморфной метафоры.....	82
2.2.4.2. Межкультурная перспектива изучения антропоморфной метафоры.....	87
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	93
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	94
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	97
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА...	105

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование посвящено изучению метафорического образа Великобритании в мультимодальном аспекте на материале британского медиадискурса. **Актуальность** выбранной темы исследования обусловлена научным интересом к представлению релевантных сведений о метафоризации образа государства ввиду переосмысления британской национальной идентичности в условиях кризиса последних лет.

Метафора, понимаемая с когнитивной позиции Дж. Лакоффа и М. Джонсона, служит важным средством создания метафорического образа ведь, как известно, «большая часть обычной понятийной системы человека структурирована с помощью метафор» [Лакофф, Джонсон, 2004: 93] являющихся важными инструментами человеческого мышления.

Материалом для изучения метафорического образа государства послужили 200 креолизованных медиатекстов (карикатур), опубликованных в газете *the Guardian* за период 2017-2021 гг. Представляя собой один из самых популярных на сегодняшний день типов текстов, текст массовой информации в наибольшей степени оказывает влияние на состояние культурно-информационной среды и формирование информативного пространства за счет отображения современной реальности. Креолизованные медиатексты в значительной степени раскрывают сложные культурно-языковые отношения, благодаря чему мы можем получить релевантные данные о происходящих изменениях на любой момент времени.

На основании данного материала мы делаем выводы о характерных особенностях национального самовосприятия жителей Великобритании через метафорические образы.

Цель исследования: выявить и описать метафорические образы представления Великобритании в британском медиадискурсе.

Объект исследования: метафорическое представление образа государства в медиадискурсе.

Предмет исследования: метафорические образы репрезентации Великобритании в монокультурной и межкультурной перспективах в креолизованных текстах в британских СМИ.

Для достижения цели исследования нами были поставлены следующие **задачи**:

1) определить содержание понятий метафоры и метафорического образа, исследовать способы их выделения в тексте и представить классификации метафоры;

2) выявить специфические черты представления дихотомии «свой – чужой»;

3) охарактеризовать понятия монокультурной и межкультурной перспектив в аспекте взаимодействия со «своим»;

4) представить медиадискурс как пространство репрезентации образа государства;

5) изучить мультимодальность как свойство медиатекста;

6) выявить и описать основные метафорические образы Великобритании в монокультурной и межкультурной перспективах в креолизованных текстах (карикатурах) газеты *the Guardian*.

В качестве основных **методов** проводимого исследования были использованы: метод сплошной выборки для подбора креолизованных медиатекстов репрезентирующих метафорический образ Великобритании; классификационный метод, позволивший структурировать отобранный материал в рамках монокультурной и межкультурной перспектив изучения образа Великобритании, критический дискурс анализ и мультимодальный анализ для интерпретации полученных результатов.

Теоретическая значимость исследования заключается в структурированном описании метафорического образа Великобритании, вкладе в развитие когнитивной науки, дальнейшем углублении теории дискурса и мультимодальности.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы как материалы для теоретических и практических курсов по когнитивной лингвистике, культурологии, социологии, социальной психологии и стать основой дальнейшего изучения метафорического образа государства.

Теоретическая база исследования включает:

Работы по изучению метафоры Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1999], С.В. Агеева [Агеев, 2002], В.Г. Гака [Гак, 1972], М. Джонсона, Дж. Лакоффа [Лакофф, Джонсон], Н.А. Илюхиной [Илюхина, 2016], О.Н. Латуги [Латуга, 1999], Ю.И. Левина [Левин, 1998], Дж. Миллера [Миллер, 1990], А.Ю. Москвина [Москвин, 2007], Дж.Р. Сёрля [Сёрль, 1990], Г.Н. Скляревской [Скляревская, 1993], В.Н. Телии [Телия, 1988], В.К. Харченко [Харченко, 1992], С.А. Хахаловой [Хахалова, 2011], А.П. Чудинова [Чудинов, 2003], С. Forceville [Forceville, 2017] и др. Работы по изучению дихотомии «свой – чужой» О.В. Балясниковой [Балясникова, 2003], Ю.И. Детинко, Л.В. Куликовой [Детинко, Куликова, 2017], Н.А. Курнаевой [Курнаева, 2006], А.В. Шипилова [Шипилов, 2008]. Исследуя национальную идентичность, мы обратились к публикациям Д.Н. Караваевой [Караваева, 2016], С.А. Кузнецовой [Кузнецова, 2000], А.Г. Смирновой, И.Ю. Киселева [Смирнова, Киселев, 2002], R. Wodak [Wodak, 1999]). Медиатекст в мультимодальном аспекте был рассмотрен нами на основании работ Е.Е. Анисимовой [Анисимова, 2003], Л.Г. Антонова [Антонова, 2012], Л.М. Большаяновой [Большаянова, 1986], Т.Г. Добросклонской [Добросклонская, 2005; 2008], Т.М. Дридзе [Дридзе, 1976], Я.Н. Засурского [Засурский, 2005], М.В. Йоргенсена, Л. Филлипса [Йоргенсен, Филлипс, 2008], М.Ф. Казак [Казак, 2012], Н.А. Кузьминой [Кузьмина, 2011], С.И. Сметаниной [Сметанина, 2002], Г.Я. Солганика [Солганик, 2005], А. Федорова [Федоров, 2001], Д.П. Чигаева [Чигаев, 2010], N. Fairclough [Fairclough, 1995].

Структура работы включает: введение, две главы, заключение, список использованной литературы, список источников иллюстративного материала.

Во введении представлены цели, задачи и методологические принципы исследования, обоснованы его актуальность, теоретическая и практическая значимость.

В первой главе охарактеризованы различные подходы к пониманию метафоры, представлены ее типологические описания, изучен вопрос идентификации метафоры в текстах, изображена специфика классифицирования окружающего мира посредством категорий «свой» и «чужой», представлена информация о монокультурной и межкультурной перспективах исследования, составлено системное описание концепции медиатекста как единицы медиадискурса с учетом его категорий, исследована специфика влияния свойства мультимодальности на медиатекст.

Во второй главе исследования охарактеризована газета *The Guardian* как основной источник материала в работе, отражен анализ природоморфных, артефактных, социоморфных и антропоморфных метафор репрезентации образа Великобритании в монокультурной и межкультурной перспективах.

В заключении подводятся итоги исследования.

Апробация работы представлена публикацией «Метафорическая репрезентация национальной идентичности британцев (на материале британских СМИ)» в электронном научном журнале *Siberia Lingua*.

Основные результаты диссертационного исследования были представлены на II Международном Форуме языков и культур.

ГЛАВА 1. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА В СМИ

1.1. Метафора в аспекте лингвистических исследований

1.1.1. Подходы к определению метафоры и метафорического образа

Представление государства в СМИ требует использования различных средств вербальной и невербальной передачи образа, важнейшим из которых в нашей работе служит метафора.

Метафора является объектом интереса философов и ученых уже на протяжении многих сотен лет. История изучения данного термина берет свое начало во времена античности, когда Аристотель в «Поэтике» впервые дает метафоре определение, ставшее сегодня классическим. Философ характеризует метафору как «перенесение слова с измененным значением из рода в вид, или из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [Аристотель, 2019: 46]. Таким образом, метафора описана как процесс переосмысления семантики слов на основании подобия признаков. Уже в данном определении мы можем видеть зачатки тех идей, которые станут основой комплексного изучения данного языкового явления спустя многие годы. Сегодня рассмотрение данного понятия нашло отражение в трудах многих ученых, в числе которых Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1999], В.Г. Гак [Гак, 1972], М. Джонсон, Дж. Лакофф [Лакофф, Джонсон, 2004], Ю.И. Левин [Левин, 1998], Дж. Миллер [Миллер, 1990], В.Н. Телия [Телия, 1988], Ф. Уилрайт [Уилрайт, 1990], А.Ю. Москвин [Москвин, 2007], Г.Н. Скляревская [Скляревская, 1993], В.К. Харченко [Харченко, 1992] и др.

Многоаспектность данного понятия требует его детального изучения в различных плоскостях. «О метафоре могут писать все, истина "разлита" вокруг, поэтому в одной работе, в трудах представителей одного

исследовательского подхода или одной научной школы и, шире, в рамках одной из традиционно выделяемых научных областей дать полное представление о метафоре невозможно» [Латуга, 1999: 7].

Научная литература рассматривает метафору в стилистической и когнитивной плоскостях. Более ранним по хронологии является стилистический подход, заложенный Аристотелем. В рамках данного подхода метафору трактуют Т.В. Жеребило, С.И. Ожегов, В.Н. Ярцева и многие другие ученые.

С.И. Ожегов характеризует метафору с учетом ее разноплановости. Под метафорой ученый понимает «вид тропа, скрытое образное сравнение, уподобление одного предмета, явления другому (напр. чаша бытия), а также вообще образное сравнение в разных видах искусств. В лингвистике: переносное употребление слова» [Ожегов, 2013: 1281].

Схожее с данным определением можно найти в трудах В.Н. Ярцевой, акцентирующей внимание на значимости аналогии в процессе метафоризации. Метафора описана ею как «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [Ярцева, 1998: 296].

Т.В. Жеребило представляет метафору в двух аспектах, рассматривая ее как сам процесс метафоризации и результат данного процесса. Т.В. Жеребило описывает данный термин как «Употребление слова или выражения в переносном значении, основанное на сходстве, сравнении, аналогии; слово или выражение таким образом употребленное» [Жеребило, 2010: 537].

Так, можно заключить, что наиболее часто в границах стилистического подхода метафора понимается как троп, состоящий в переносе наименования на основе сходства в каком-либо отношении одного предмета или явления с

другим. Преимущественно данные определения характеризуют метафору исключительно как стилистическую фигуру.

Несмотря на «значительный объем накопленных знаний о метафоре, интерес к ней в настоящее время не только не ослабевает, а наоборот, усиливается в связи с переходом изучения метафоры на качественно новый уровень, обусловленный актуализацией когнитивных исследований» [Будаев, Чудинов, 2006: 32], позволяющих рассматривать метафору как инструмент мышления. «С точки зрения когнитивной парадигмы метафора прямо связана с мышлением и оказывает непосредственное влияние на восприятие действительности» [Баранов, 2014: 11].

Для изучения метафорического образа государства целесообразно остановиться на втором подходе к пониманию метафоры, а именно, когнитивном.

Важный вклад в развитие когнитивного направления исследования метафоры сделали Дж. Лакофф и М. Джонсон. Основываясь на признании факта метафоричности понятийной системы человека, они трактуют метафору как «способ постижения одной вещи в терминах другой» [Лакофф, Джонсон, 2004: 29] и описывают ее как естественный для человеческого мышления процесс. Так, когнитивное направление предполагает рассмотрение метафоры в качестве ментального процесса переосмысления природы одних предметов и явлений в терминах других.

В аспекте данной работы мы придерживаемся определения метафоры, предложенного в трудах Дж. Лакоффа и М. Джонсона в силу его когнитивной направленности, важной для проведения анализа метафорических образов и представлений.

В проводимом исследовании мы подробно останавливаемся на анализе образа государства, поэтому мы видим целесообразным обратиться к рассмотрению метафорического образа.

Современные представления о языковой образности во многом заложены Ш. Балли. В работах ученого выделяются такие виды образов как:

«1) конкретные образы (воспринимаемые воображением); 2) эмоциональные или ослабленные образы (воспринимаемые чувствами); 3) мертвые образы (воспринимаемые рассудком)» [Балли; цит. по: Складская, 1993:18]. Конкретно-чувственный и эмоциональный образы, выделенные в данной классификации, способны передавать целостный образ предмета, они лежат в основе «живых» метафор. Мёртвый образ служит абстракцией и может быть соотнесен с генетической метафорой, так «в метафоре сохраняется целостность образа, который может отойти на задний план, но не распасться» [Арутюнова, 1990: 9]. В процессе восприятия метафоры «создается некий проективный образ отстранённого объекта, виртуальное содержание которого является явно избыточным не только по сравнению с его понятийным, но и с метафорическим содержанием» [Иванюк, 1998: 22]. Метафорический образ может быть представлен при метафорическом переносе как более конкретная часть знания, основанная на опыте взаимодействия с объектами. «В метафорической функции образ (концепт) соотносится с понятием метафорической модели, являясь одним из двух ее компонентов – сигнификатором» [Илюхина, 2016: 5–6].

Таким образом, рассматривая метафору как важное средство создания образа государства, мы обращаемся к различным подходам к ее толкованию. Известная со времен античности метафора стала объектом изучения многих исследователей. Многоаспектность данного понятия обусловила наличие большого числа его трактовок. В стилистической плоскости метафора наиболее часто рассматривается как троп, предполагающий осуществление переноса наименования с одного предмета или явления на другой на основе сходства признаков. Когнитивное направление изучения метафоры рассматривает ее в качестве ментального процесса, в ходе которого происходит переосмысление сущностей одних объектов и явлений в терминах других. В проводимом исследовании мы придерживаемся понимания метафоры в русле когнитивного направления и обращаемся к

ней как к средству получения информации о представлениях жителей Великобритании, выраженных путем проецирования метафорических образов.

1.1.2. Способы определения метафоры в тексте

Составление метафорического образа государства требует анализа метафор, выраженных вербальными и визуальными средствами, что привлекает особое внимание к проблеме выделения метафор в текстах.

Рассмотрение научной проблемы идентификации метафор занимает значительное место в трудах многих ученых-лингвистов, в числе которых Дж. Сёрль. В соответствии с его идеей данная проблема является лишь частью другой, более масштабной, состоящей в выявлении отличий прямого и переносного значения слов. Дж.Р. Сёрль утверждает, что буквальное и метафорические выражения можно представить схематически, в виде: «*S* есть *P*», где «*S*» выступает субъектным выражением, а «*P*» – первым объектом референции. При использовании данного выражения в прямом значении автор высказывания будет указывать на реальное тождество субъектного выражения и объекта референции. Однако, при создании переносного значения под первым объектом референции «*P*» будет подразумеваться второй объект референции «*R*», и таким образом, используя выражение «*S* есть *P*», автор будет подразумевать «*S* есть *R*».

Так, интерпретация метафоры будет проходить в соответствии со следующими этапами. В первую очередь, адресат получит сообщение «*S* есть *P*», которое при своей буквальной трактовке будет воспринято им как ложное. После чего он прибегнет к алгоритмам и принципам определения предположительных значений «*R*» за счет поиска прототипичных свойств «*R*» общих со свойствами «*P*». Затем адресат сузит круг предположительных трактовок «*R*». Так, он вновь обратится к понятию «*S*» с целью отбора наиболее подходящих вариантов, характеризующих свойственные «*S*» и «*R*»

качества и, как следствие, придет к пониманию метафоры [Сёрль, 1990: 308 – 309]. Классические подходы к выявлению метафор, в числе которых и подход Дж.Р. Сёрля, послужили базой для дальнейшего развития процедуры идентификации метафор, направленной на создание наиболее универсального алгоритма позволяющего обрабатывать большой объем материала.

На сегодняшний день одним из наиболее популярных методов автоматической идентификации метафор, принято считать процедуру *MIPVU* предложенную Г. Стейном, которая представляет собой алгоритм анализа текста:

«1. Прочитать текст.

2. Определить лексические единицы, составляющие данный текст:

а) для каждой лексической единицы определить контекстуальное значение;

б) для каждой лексической единицы определить, имеет ли она современное базовое значение;

в) если лексическая единица имеет более конкретное базовое значение, определить, является ли контекстуальное значение отличным от базового, выводным, в отличие от базового.

3. При утвердительном ответе необходимо отметить лексическую единицу как лингвистическую метафору» [Стейн; цит. по: Мишланова, Исаева, 2011: 237].

Расширяя подход Г. Стейна, С.А. Хахалова представляет свой алгоритм идентификации метафоры на уровнях предложений и текстов с учетом значимости контекста. Первым шагом к выделению метафорического значения должен стать анализ текста с целью выявления лексемы, не поддерживаемой контекстным окружением. После чего целесообразно приступить к изучению ее дефиниций в толковых словарях. Дефиниции позволяют выявить мельчайшие семантические множители на основании различных смысловых признаков. В качестве таковых для имен

существительных выступают: «"одушевленность – неодушевленность", видовой (биологической) принадлежности (человек, растение, животное, артефакт), качества, количества, локализации. Для прилагательных и наречий релевантными представляются семантические признаки: категориальной принадлежности "отнесенность к одушевленной или неодушевленной субстанции", "конкретность – абстрактность", "качество", "количество", "локализация"» [Хахалова, 2012: 4]. Следующим шагом необходимо представить соответствующие источнику и мишени метафоризации параметры. Заключением станет выявление интегрального признака, характеризующего общие семантические аспекты данных единиц [Хахалова, 2011: 72–196]. В работах Г.Н. Складневской данный признак получил название «символ метафоры» и был описан ею как «элемент семантики, состоящий либо из одной семы, либо из совокупности сем, который в исходном номинативном значении относится к сфере коннотации, а в метафорическом значении входит в денотативное содержание в качестве ядерных (дифференциальных) сем и служит основанием смысловых преобразований в процессе метафоризации» [Складневская, 1993: 47].

Предложенный в работах С.А. Хахаловой метод идентификации позволяет максимально полно изучить семантику метафоры и выявить смысловые виды взаимодействия изучаемых единиц с учетом контекстного аспекта.

В вопросе идентификации метафоры мы опираемся на подход Ч. Форсвилля. Данный подход в силу своей универсальности, более адаптирован для анализа метафор, представленных визуально. Ч. Форсвилль вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, предлагает рассматривать метафоризацию как взаимодействие двух структур «когнитивной структур "источника" (*source domain*) и когнитивной структуры "цели" (*target domain*). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит "метафорическая проекция" (*metaphorical mapping*) или "когнитивное отображение" (*cognitive mapping*)»

[Лакофф, Джонсон, 2004: 9]. На основании данной модели выделение метафоры осуществляется путем идентификации двух «вещей» и соотнесения их со структурами цели и источника. После чего, значение метафоры интерпретируется за счет выявления черты или коннотации, присущей источнику и цели [Forceville, 2017: 28–29].

Таким образом, описание метафорического образа государства в проводимом исследовании требует выделения метафор в текстах путем применения соответствующих идентификационных процедур. Мы рассмотрели четыре процедуры идентификации метафоры. В рамках классического подхода выражение понимается как употребленное в переносном значении и метафорическое, если рассматриваемое в нем сравнение несет ложный смысл и под объектом сравнения подразумевается другой объект референции, обладающий общими свойствами с названным. Современный подход к идентификации метафоры предполагает анализ, включающий прочтение текста, ознакомление со словарными дефинициями его лексических единиц, выявление единицы, контекстуальное значение которой отлично от базового и выделение ее в качестве лексической метафоры. Расширенный подход к идентификации дополнительно включает анализ интегрального признака лежащего в основе сравнения. В проводимом исследовании мы придерживаемся одного из более универсальных современных подходов к идентификации метафоры, описанного в трудах Ч. Форсвилля и предполагающего идентификацию двух объектов сравнения как цели и источника метафоры, выявление общих черт, лежащих в основе сравнения и интерпретацию результата.

1.1.3. Проблема типологического описания метафоры

Для составления наиболее полного и структурированного описания метафорических образов, представленных в работе необходимо остановиться на вопросе классификации метафоры более подробно. Метафоры

представляют собой сложные языковые явления, обладающие рядом структурных и семантических черт, вследствие чего их классификации весьма многоаспектны. Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1999], В.Г. Гак [Гак, 1972], В.П. Москвин [Москвин, 2007], Г.Н. Скляревская [Скляревская, 1993] и многие другие ученые, выделяют типы метафор, принимая за основу ряд различных классификационных признаков с учетом разных потребностей.

Н.Д. Арутюнова в соответствии со спецификой протекания процесса метафоризации в пределах одной или различных семантических категорий слов описывает номинативные, образные, когнитивные и генерализирующие метафоры [Арутюнова, 1999: 366].

В типологии В.Г. Гака ключевое различие между различными типами метафор проводится на основании соотношения их форм и значений. В соответствии с этим, ученым выделены частичные и полные метафоры, последние из которых также разделены на двусторонние, односторонние семасиологические и односторонние ономасиологические [Гак, 1972: 151].

Дж. Миллер в качестве типологического признака в своей работе «Образы и модели, употребления и метафоры» устанавливает способ формирования метафорического образа, выделяя на основании этого именные, предикативные и сентенциальные группы метафор [Миллер, 1990: 264–267].

В рамках нашего исследования наибольший интерес представляют классификации, принимающие во внимание сферы-источники метафор, а именно типологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон, 2004], Ю.И. Левина [Левин, 1990], В.П. Москвина [Москвин, 2007] и А.П. Чудинова [Чудинов, 2003].

Дж. Лакофф и М. Джонсон определяют классификационным признаком тот вид человеческого опыта, который лег в основу создания метафорического переноса, выделяя структурные, ориентационные и онтологические типы конвенциональных метафор [Лакофф, Джонсон, 2004: 180]. Под структурными метафорами Дж. Лакофф и М. Джонсон понимают

примеры метафоризации, при которых одно явление структурируется в терминах второго («Спор – это война»). Если же речь идет о структурировании целой системы концептов в рамках другой – то данный тип переноса будет нести название ориентационная метафора. Зачастую в данном виде переноса наблюдается корреляция с опытом ориентации в физическом пространстве («Это подняло мое настроение»). В свою очередь другой физической опыт – взаимодействие с предметами отражен в ориентационной метафоре. Онтологические метафоры зачастую соотносятся с определенным видом человеческого опыта для рассмотрения абстрактных явлений в терминах физических, более конкретных («Нам нужно бороться с инфляцией») [Там же: 25–58]. Преимущественно, изучаемые в нашей работе метафоры могут быть отнесены к структурному типу.

Классификацию метафор на основе механизма реализации принципа сравнения приводит Ю.И. Левин, выделяя метафоры-сравнения, метафоры-загадки, а также метафоры, причисляющие характеристики одного объекта другому [Левин, 1998: 457]. Метафоры-сравнения содержат сопоставление двух объектов («колоннада рощи»). Метафоры, предполагающие замещение одного объекта описанием другим, несут название метафоры-загадки («били копыта по клавишам мерзим»). Также ученым выделяются метафоры, наделяющие один объект характеристиками другого («ядовитый взгляд»). Нередко в креализованных медиатекстах, служащих базой данного исследования, для лучшего визуального представления метафорического образа используются именно метафоры-загадок и метафоры, причисляющих свойства одних объектов другим [Там же].

Изучение классификаций метафор находит подробное отражение в трудах В.П. Москвина, где ученый определяет ряд возможных оснований для проведения различных типологий метафор. В частности, в его работе рассмотрены семантическая, формальная и функциональная типизация метафор. В.П. Москвин формирует семантическую классификацию метафор, принимая во внимание смысловую двупланность данного языкового явления,

предполагающую наличие в его составе, как основного, так и вспомогательного субъекта. В проводимом исследовании интерес для нас представляет классификация метафор по тематической принадлежности вспомогательного субъекта, в соответствии с которой «можно сгруппировать метафоры, в основе которых лежит сравнение с рыбной ловлей (держать кого-либо на крючке, попасться на удочку), шахматной игрой (быть пешкой в чьей-либо игре, оказаться в патовой ситуации), стрельбой (стрелять глазами, торпедировать переговоры), театром (устроить кому-либо сцену, играть роль). Назовем также метафоры "медицинские" (предвыборная лихорадка, шоковая терапия), "спортивные" (избирательная гонка, избирательный марафон), "финансовые" (политический капитал, девальвация духовных ценностей) и т. д.» [Москвин, 2007: 15–16]. Так, сфера-источник метафорического переноса может принимать вид самых различных вспомогательных субъектов, образуя анималистические, антропоморфные и пространственные метафоры.

Тематическая соотнесённость сферы-источника метафоры также легла в основу классификации А.П. Чудинова. Ученым выделены антропоморфные, природоморфные, социоморфные и артефактные метафоры. Содержание данных разрядов может быть соответственно схематично представлено как «"Человек как центр мироздания", "Человек и природа", "Человек и общество", "Человек и результаты его труда"» [Чудинов, 2003: 78]. Ученый находит важным подчеркнуть роль человека в метафоризации, ввиду когнитивной природы данного процесса. Данная классификация несет наибольшую важность в проводимом исследовании, позволяя точно структурировать выявленные метафоры для дальнейшего анализа в соответствии со сферами-источниками.

Хотя проблема классификации метафор получила широкое освещение в научной литературе она, как и прежде не решена однозначно, ведь как утверждает И.М. Москвин «свода параметров, по которым может производиться классификация метафоры, мы до сих пор не имеем. Поэтому

систематизация, а в целом ряде случаев – и выявление таких параметров, т.е. классификация метафор "с лингвистической точки зрения", представляются действительно неотложными задачами отечественной науки о языке» [Москвин, 2007: 15].

Остановившись на разнообразии возможных ролей метафоры, мы считаем важным более подробно представить выполняемые метафорой функции.

В своих работах В.Н. Телия отмечает две главные метафорические функции, описывая их следующим образом: с одной стороны метафора «служит средством обозначения тому, чему нет названия, с другой – средством создания художественной речи» [Телия, 1988: 11].

Одна из наиболее полных на сегодняшний день классификаций функций метафоры предложена в работе В.К. Харченко. В.К. Харченко выделяет пятнадцать метафорических функций, в числе которых номинативная, информационная, мнемоническая, стилеобразующая, текстообразующая, жанрообразующая, эвристическая, объяснительная, эмоционально-оценочная, этическая, аутосуггестивная, координирующая, конспирирующая, игровая и ритуальная [Харченко, 1992: 81]. Среди данного перечня функций метафоры мы выделяем как наиболее важные в проводимом исследовании информационную функцию (создающую целостный образ предмета, воздействие которого направлено на бессознательные процессы ассоциации), и эмоционально-оценочную (позволяющую рассматривать черты образа государства, как в позитивном, так и в негативном ключах).

Изучая метафорические функции в прагматическом аспекте, С.В. Агеев отмечает, что «на данный момент не существует какой-либо определенности как в вопросе перечня языковых функций метафоры, так и в вопросе терминологии. Большинство исследователей выделяют лишь три прагматических функции метафоры: информационную, воздействующую и характеризующую» [Агеев, 2002: 8]. В своей классификации ученый

обозначает индикативную, апеллятивную, контактоустанавливающую, эмоционально-оценочную, экспрессивную, информационную, суггестивную, интеграционную и эстетическую функции, однако, добавляет, что предложенный вариант данной классификации едва ли можно считать окончательным. Наиболее важными в проводимом исследовании являются эмоционально-оценочная (функция описания детоната, выступая источником эмоционального воздействия) и экспрессивная (функция привлечения внимания реципиентов) функции метафоры.

Таким образом, для структурирования информации о метафорических образах государства, мы обращаемся к проблеме типологического описания метафоры. Из восьми рассмотренных нами классификаций метафоры четыре были выделены как наиболее важные для изучения разнообразия сфер-источников метафорических переносов. Среди метафор, выделенных на основании вида человеческого опыта, послужившего основой для метафорического переноса, наиболее распространёнными в нашем исследовании оказались метафоры структурного типа, характеризующие одно явление в терминах другого. При рассмотрении классификации метафоры по принципу сравнения мы выделили как наиболее встречаемые метафоры-загадки (предполагают замещение объекта сопоставления и метафоры) и метафоры причисляющие характеристики одного объекта другому. Классифицирование метафор на основании тематической принадлежности вспомогательного субъекта позволяет рассмотреть разнообразие возможных сфер-источников метафорической проекции служащих для образования анималистических, антропоморфных и других групп метафор. Наибольшую важность в аспекте исследования несет классификация метафор по сферам-источникам, предполагающая выделение антропоморфных, природоморфных, социоморфных и артефактных метафор, которые стали основой для структурирования описания метафорического образа государства в дальнейшей работе. Разноплановость рассмотрения многоаспектного понятия метафоры становится причиной выделения не

только большого числа ее классификаций, но и функциональных ролей. Метафора может выполнять различные функции, среди которых наиболее важными в нашей работе являются информационная (функция создания образа предмета, оказывающего воздействие на бессознательные процессы), эмоционально-оценочная (функция оказания эмоционального воздействия, позволяющая представить образ государства в позитивном или негативном ключе) и экспрессивная (функция, направленная на привлечение интереса).

1.2. Особенности репрезентации образа государства в аспекте дихотомии «свой – чужой»

1.2.1. Особенности изучения дихотомии «свой – чужой»

Рассмотрение путей репрезентации метафорического образа государства в прессе предполагает исследование представлений жителей Великобритании. Так, мы видим целесообразным обратиться к дихотомии «свой – чужой» для описания представлений жителей Великобритании о «своей» стране.

Основы представлений об идентичности были заложены в глубокой древности в силу специфики сознания, склонного к выделению объективных различий в окружающем мире. Коллективная система взглядов послужила базой для классифицирования в пределах групп «свои» и «чужие», источником формирования которых принято считать «дуальность восприятия, с одной стороны, и, с другой, свойственное архаическому сознанию "состояние собственного имени", вытекающее из синкретизма мышления и заключающееся в интеграции действия с его носителем» [Балясникова, 2003: 5].

Члены различных национальных общностей формируют свои представления о картинах мира в процессе социализации, который ограничен определенной культурной средой. В данном процессе личность

преимущественно усваивает привычные в данной культуре нормы и ценности как «свои». «Свое» характеризуется следующими признаками [Садохин, 2007: 16]:

- оно не может представлять угрозу для безопасности, тогда как «чужое» содержит в себе такую угрозу;
- свое – это познанное и осмысленное, оно может быть использовано для удовлетворения потребностей;
- свое находится в пределах досягаемости, доступности и может быть использовано для защиты и сохранения жизни;
- свое является воплощением положительных качеств, в то время как чужое кажется воплощением негативного и разрушительного начала;
- свое выступает основой идентичности, которая помогает человеку найти фундамент собственного бытия.

Производя сравнение с «чужой» группой личность может выделить существенные различия, имеющие или не имеющие под собой объективных причин. «Чужое воспринимается как нечто непонятное, холодное, возможно, таящее в себе угрозу или опасность. Однако, являясь неизведанным, чужое может и привлекать к себе, вызывать интерес и любопытство» [Куликова, 2007: 39]. Так, объекты классифицируются в пределах дихотомии на «свои» и «чужие». «Человек обретает себя через тождество и различие, или, скажем мягче, через отличие и сходство с другими людьми; идентичность и конкретизирует, и абстрагирует своего носителя одновременно – но в разных отношениях: в первом случае это отношение различия (отличия), в последнем – тождества (сходства)» [Шипилов, 2008: 153].

Единицы контрадикторной антонимической пары «свой» и «чужой» могут передавать различные смыслы в составе словосочетаний. «Они могут указывать на притяжательные отношения или их отсутствие (свой/чужой стол, костюм, компьютер), родственные отношения или их отсутствие (свой/чужой ребенок, дядя, родственник), отношения происхождения (свой/чужой край, своя/чужая страна) и др. Как субстантивы, они имеют

своим референтом лицо, находящееся в/вне связи с группой лиц как единым целым» [Балясникова, 2003: 10].

Понятие «свой» несет особую важность в проводимом исследовании, в силу акцентуации на работе с образом Великобритании в британском медиадискурсе. Толковый словарь русского языка выделяет следующий ряд значений понятия «свой»: «1. Принадлежащий себе, имеющий отношение к себе. Любить свою Родину. Сделать что-н. своими руками. Делать свое дело. Жить своим трудом. Не в своем уме (сошел с ума; разг.). Не своим голосом кричать (громко и отчаянно; разг.). Называть вещи своими именами (говорить прямо, не скрывая истины). 2. Собственный, составляющий чье-н. личное достояние. У них свой дом. Надел не свое пальто. 3. Своеобразный, свойственный только чему-н. одному, данному. В этой музыке есть своя прелесть. 4. Подходящий, свойственный чему-н., предназначенный именно для данного обстоятельства, предмета. Всему свое время (все должно делаться вовремя, своевременно). На все есть свои правила. 5. Родной или связанный близкими отношениями, совместной деятельностью. Свои люди - сочтемся (поел.). С. человек. Он парень с. В кругу своих (сущ.). Своих (сущ.) не узнаешь (угроза; разг.). 6. Свое, своего, ср. То, что принадлежит, свойственно или присуще кому-чему-н. Свое и чужое» [Ожегов, 2013: 2613].

В свою очередь понятие «чужой» в данном словаре преимущественно описывается путем отрицания признаков предыдущего понятия. Чужой понимается как «1. Не свой, не собственный, принадлежащий другим. Чужие вещи. Писать под чужим именем. Взять чужое (сущ.). Чужая сторона. Чужие края (чужбина). С чужих слов говорить, повторять (не зная самому, со слов других). С чужого голоса говорить, повторять (перен.: повторяя чужие мысли, суждения; неодобр.). 2. Не родной, не из своей семьи, посторонний. Чужие люди. Стесняться чужих (сущ.). 3. Далекий по духу, по взглядам. Братья стали чужими. Ч. для общества человек» [Там же: 3311].

В русском языке слова «свой» и «чужой» могут выступать в качестве определений для конкретных и абстрактных объектов.

«Социальная идентичность, самоотождествление личности с некоей общностью, приводит к осознанию своей принадлежности к определённой культуре, специфика которой познаётся в её сопоставлении с другой или их противопоставлении. Человек в сложной структуре социальных отношений убеждён в "себеподобности" тех, кого он объединяет понятием "мы" и, как правило, не испытывает затруднения в определении мира "чужих"» [«Свое и «чужое», 2003: 7]. Процесс типологизации в рамках понятий «свои» и «чужие» осуществился посредством идентификационных стратегий. «Отдельные группы или социальные общности в целом могут отличаться друг от друга различными способами: по полу, возрасту, классу, этнической принадлежности» [Montgomery, 1995: 64]. Согласно Н.А. Курнаевой типичными примерами идентификаторов «выступают различные значимые параметры: язык, внешность, система норм и ценностей и т.д.» [Курнаева, 2006: 14]. А.В. Шипилов, в свою очередь, отмечает «два основных интегрирующих фактора – систему политической власти и культуру» [Шипилов, 2008: 158] в соответствии с которыми группы людей, объединённых одной идентичностью, включаются в общество. Преимущественно в результате применения идентификационной стратегии объекты классифицируются как «свои» – соответствующие эталонам и образцам или «чужие» – отражающие девиации. В числе свойств идентичности как системы выделяются: «1) референтность, 2) гетерогенность, 3) контекстуальность и динамичность» [Курнаева, 2006: 14].

На основании дихотомии «свой» и «чужой» выделяются многочисленные классификации идентичности, которые структурируются согласно широкому перечню классификационных критериев.

Н.А. Курнаева выделяет следующие виды идентичности на основании различных типов общности: национальную, политическую, религиозную и др. В свою очередь каждый из указанных типов содержит множество подтипов. Кроме того, идентичность может быть «субъективной/декларируемой» или «объективной»; «первичной» или

«вторичной»; «врожденной» или «приобретенной»; «позитивной» или «негативной»; «номинальной» или «реалистической» [Курнаева, 2006: 18].

В проводимом нами исследовании особое значение приобретает такой вид идентичности как национальная, которая позволяет нам сделать выводы о представлении образа страны в глазах ее жителей.

Перечисленные виды идентичности находится в тесной взаимосвязи и способны оказывать влияние друг на друга.

Таким образом, мы обращаемся к дихотомии «свой – чужой» для того, чтобы сделать выводы о представлениях об образе «своего» государства у его жителей. Классифицирование окружающего мира происходит, в частности, посредством категорий «свой» и «чужой», присущих человеческому мышлению. Представления о «своем» (принадлежащем кому-то или являющемся характерным для кого-то или чего-то) закладываются в процессе социализации и определяются культурной средой. На основании усвоенных норм личность проводит сравнение с «чужим» (не свойственным кому-либо или чему-либо, являющимся собственностью другого), выделяя его отличительные особенности. Принадлежность или же чужеродность для определенной общности определяется посредством идентифицирующей стратегии на основании различных критериев, в числе которых национальный, религиозный и др. В частности, данные критерии позволяют выделить в обособленную группу и носителей Британской национальной идентичности.

1.2.2. Репрезентация «свой – чужой» через призму национальной идентичности

Метафорический образ страны, репрезентированный в текстах СМИ, основан, зачастую, на взглядах носителей одной национальной идентичности. «Национальная модель мира автора медиатекста секционировывает признаки действительности, согласно своим внутренним

законам и принципам и объединяет, и трансформирует весь массив воспринимаемого. Случайные признаки отсеиваются, фиксируются лишь наиболее характерные, наиболее информативные для определенного менталитета» [Ерофеева, 2020: 15]. В данном случае, мы останавливаемся на метафорическом образе Великобритании в представлении британцев. Ввиду этого, мы считаем уместным представить метафорический образ государства в данной работе как идеи коллективной общности включенной в «мы-группу» о «своем» государстве.

Согласно большому толковому словарю русского языка под термином «нация» понимается «1. Исторически сложившаяся общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика. Право нации на самоопределение. Интересы нации. Равноправие наций. 2. Государство, страна. Представитель дружественной нации. Организация объединенных наций» [Кузнецов, 2000: 608]. Зачастую представителям нации присуще территориальное, языковое, культурное, политическое, историческое и религиозное единство, а также вера в общую судьбу.

Представители даже малых наций не знают большинства своих сограждан. Однако они убеждены, что они принадлежат к уникальной национальной группе. Они читают преимущественно одни и те же газеты, смотрят одинаковые телевизионные передачи и т. д.

Нация воспринимается как суверенное сообщество близких по духу людей. Вследствие этого национальная идентичность может рассматриваться как «особая форма групповой идентичности, благодаря которой, несмотря на недостаток физических контактов, люди считают себя объединенными вместе, потому что говорят на одном языке, населяют общую территорию и испытывают привязанность к существующей экосистеме. Их объединяют множество традиций, историческая память о прошлом, которое постоянно переживается в настоящем как гордость успехами и достижениями нации или

наоборот – как стыд за поражения, неудачи» [Keane; по Смирнова, Киселев, 2002: 106]. Носители национальной идентичности определяют себя членами «мы-группы», отличающей себя от группы «чужие».

Согласно трудам Р. Водак «национальные идентичности, понимаемые нами как особые формы социальных идентичностей – дискурсивно, с помощью языка и других семиотических систем, производятся, воспроизводятся, трансформируются и разрушаются» [Wodak, 1999: 6]. Идея конкретной национальной общности становится реальностью в сфере убеждений и верований через овеществляющие, образные дискурсы, постоянно запускаемые политиками, интеллектуалами и представителями средств массовой информации и распространяемые через системы образования, массовой коммуникации, милитаризации, а также через спортивные встречи. Являясь общественным конструктом, национальная идентичность «создается отнюдь не историей и природой, а социальным договором. Национальная идентичность, таким образом, является специфическим "изобретением" современности, и ее политическая значимость связана с поддержанием чувства "быть у себя дома", созданием у граждан ощущения целеустремленности, веры, собственного достоинства» [Смирнова, Киселев, 2002: 107] за счет идентификации себя как носителя идентичности.

Во многом, национальные идентичности функционируют благодаря четырем типам макростратегий в дискурсивной практике, первые из которых – конструктивные стратегии, вторые – стратегии сохранения, третьи – стратегии трансформации, а четвертые – деструктивные стратегии. Конструктивные стратегии служат для «построения» и установления определенной национальной идентичности. Прежде всего, в эту группу входят языковые единицы, которые образуют национальную «мы-группу» посредством актов референции. Стратегии сохранения направлены на поддержание и обеспечение преемственности национальной идентичности. Трансформационные стратегии позволяют изменять представление

относительно устоявшегося аспекта национальной идентичности. Более того, говорящий может уже иметь представление об этом новом значении. Наконец, деструктивные стратегии служат для демифологизации или разрушения существующих национальных идентичностей или их элементов [Wodak, 1999: 160].

В результате процесса своего формирования национальная идентичность не принимает единообразный и законченный вид. «Иными словами, национальные идентичности не являются полностью согласованными, устойчивыми и неизменными. Напротив, их следует понимать, как динамичные, фрагментарные, "уязвимые" и часто бессвязные» [Там же: 154]. Также и британская идентичность едва ли представляется целостной структурой в особенности ввиду кризиса национальной идентичности. «Британия как объединение Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии переживает новую фазу самоопределения, что проявилось, например, в ходе референдума о независимости Шотландии 18 сентября 2014 г., едва не приведшего регион к независимости от Лондона; или референдума о членстве Великобритании в Европейском союзе 23 июня 2016 г., запустившего процесс отделения от Брюсселя» [Караваева, 2016: 13].

Таким образом, для описания метафорического образа Великобритании, основанного на представлениях жителей страны, мы рассматриваем такой тип идентичности как национальная. Нация представляет собой единство людей, проживающих на одной территории и разделяющих схожие представления о культуре, политике, религии и т.д. Убежденность в принадлежности к определенной национальной группе выступает базой для образования такого социального конструкта национальной идентичности, на основании которой члены различных общностей производят категоризацию в пределах понятий «свои» и «чужие». Национальная идентичность представляет собой социальный конструкт, реализуемый в дискурсивной практике посредством конструктивных стратегий, стратегий сохранения, стратегий трансформации и деструктивных

стратегий. Национальная идентичность не принимает сформированный вид, включая в себя различные, порой разрозненные элементы. В частности, британская национальная идентичность также представляется фрагментарной в особенности в нынешних условиях кризиса национальной идентичности.

1.2.3. Монокультурная и межкультурная перспективы в аспекте взаимодействия со «своим»

Поскольку анализ метафорического образа Великобритании может быть рассмотрен как мнение жителей государства о собственном образе внутри страны, так и на международной арене целесообразно введение понятий межкультурной и монокультурной перспектив исследования.

Самосознание людей включает «совокупность взглядов, оценок, и отношений, выражающих содержание и особенности представлений членов общности о своем прошлом, настоящем и будущем, о своих интересах и идеалах, о месте среди аналогичных общностей и характере взаимоотношений с ними» [Курнаева, 2006: 11–12]. Общественное самосознание нередко конструируется социумом посредством категоризации, в частности в пределах оппозиции «свой – чужой».

Проходя социализацию в определенной культуре, личность во многом перенимает свойственные для данного общества нормы, на основании которых в дальнейшем осуществляет оценочные процессы. «Норма является объективной, поскольку формируется социальным окружением индивида, и субъективной, поскольку ее формирование осуществляется и через личный опыт личности» [Балясникова, 2003: 6]. В данном отношении «своё» понимается «естественное», «нормальное», в то время как «чужое» рассматривается в качестве девиации. Согласно Н.А. Курнаевой «к основным характеристикам Чужих можно отнести их противопоставленность нормам,

ценностям, легитимности, их дегуманизацию. Чужие – воплощение Зла, тогда как Свои – воплощение Добра и человечности» [Курнаева, 2006: 15].

Так, посредством категоризации личность оценивает явления и объекты в рамках дихотомии «свой – чужой», определяя их как естественные или отличный от заданной нормы. «Противопоставление "свой – чужой" и роль коммуникативного поведения оказываются релевантными, и когда мы рассматриваем общение представителей социальных общностей иной природы – разных национально-лингво-культурных сообществ» [Красных, 2003: 96]. Под национально-лингво-культурным сообществом мы понимаем «социально-экономическую, культурно-политическую и духовную общность людей, владеющих одним языком и обладающих единой когнитивной базой» [Детинко, 2013: 7]. Нередко с оппозицией «свой – чужой» соотносят понятия монокультурной и межкультурной перспектив.

Собственная культура зачастую не является гомогенной, вследствие этого в ней возможны различные отношения «свойственности». Более того, основания для отнесения к категории «свой» могут иметь различный характер для каждой личности, в связи с этим «необходимо иметь четкое представление о том, к какой группе принадлежит адресант, что позволяет определить контекст общения и проанализировать коммуникативно-прагматическую реализацию замысла отправителя дискурса» [Детинко, Куликова, 2017: 28].

Одним из показателей «свойственности» могут выступать дейктические средства. График исследования дейксиса предложена в трудах П. Чилтона (Рисунок 1).

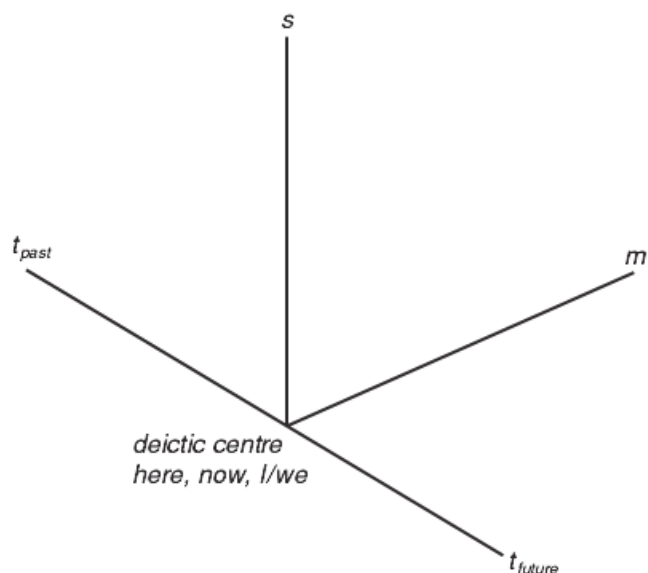

Рисунок 1. Dimensions of deixis

График исследования дейксиса П. Чилтона указывает, что люди размещают другие предметы и явления по отношению к себе на различной дистанции по осям пространства (s), времени (t) и модальности (m). Дейктический центром выступает личность или члены группы «свои».

На оси s располагаются дейктические выражения, которые могут быть представлены местоимениями. Центральная точка графика является Говорящим («Я» или «мы-группа») и отражает пространственное положение «здесь», в то время как местоимения второго и третьего лица размещаются на оси (s) в разном удалении от центра. Представления об удаленности никак не связаны с реальным расстоянием между объектами. Дистанция является скорее метафорической, связанной со склонностью людей располагать объекты и других людей на различном «расстоянии» посредством предложений и установок.

На оси (t) откладывается измерение времени. В центральной точке графика оно представляет настоящий момент и «нарастает» вдоль по оси. Время концептуализируется в качестве «движения»

Ось-модальность (*m*) также может рассматриваться в терминах удаленности. В своем начале ось *m* имеет значение «правильно» (*right*), переходящее в значение «неверно» (*wrong*) [Chilton, 2004: 56–61].

П. Чилтона свидетельствует о наличии метафорической социальной дистанции между представителями группы «свои», во многом зависящей от позиции говорящего (пишущего). Каждый человек, являющийся членом национально-лингво-культурного сообщества, в силу специфики мировосприятия становится участником многоуровневых отношений к «своему».

В нашей работе мы останавливаемся на двух перспективах взаимодействия со «своим»: монокультурной (образ «своего» в лингвокультуре отправителя дискурса) и межкультурной (представление о «себе» в «чужой» для отправителя дискурса лингвокультуре) (Рисунок 2).

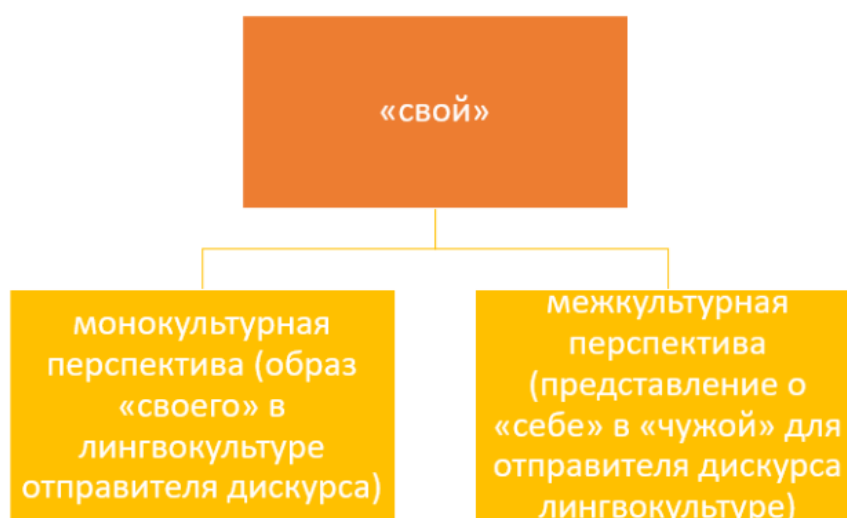

Рисунок 2. Межкультурная и монокультурная перспективы взаимодействия со своим

Для структурирования метафорических образов в монокультурной и межкультурной перспективах взаимодействия со своим мы рассматриваем культурные идентификаторы страны. Креолизованные медиатексты включающие идентификаторы британской культуры относятся нами к

монокультурной перспективе, в то время как медиатексты, содержащие помимо культурных маркеров Великобритании и идентификаторы других стран анализируются нами в межкультурной перспективе.

Таким образом, мы рассматриваем монокультурную и межкультурную перспективы взаимодействия со «своим» для описания метафорического представления о «своей» стране жителей Великобритании в монокультурной и межкультурной перспективах. Общественное самосознание формируется социумом путем категоризации в пределах дихотомии «свой – чужой». В ходе данного процесса личность усваивает нормы, присущие данному обществу, которые воспринимаются ей как «свои» или «естественные». «Чужое» оценивается ею как «неестественное». Однако собственная культура не является гомогенной, в связи, с чем в ней возможны многоуровневые отношения свойственности, критерии определения которой могут быть различны для каждой личности. Одним из идентификаторов свойственности могут выступать дейктические средства. Измерение дейксиса свидетельствует о зависимости метафорической социальной дистанции между членами группы «свои» от позиции говорящего (пишущего).

1.3. Медиадискурс как среда репрезентации образа государства

1.3.1. Подходы к пониманию медиадискурса и медиатекста

Источником материала для анализа метафорических образов Великобритании в данной работе служат медиатекст и медиадискурс.

Как известно, дискурс включает в себя «кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Ван Дейк, 2000: 5], поэтому для полного понимания смысла медиатекста, как единицы медиадискурса, мы видим целесообразным обратиться к критическому дискурс-анализу. Мы рассматриваем критический дискурс анализ в соответствии с алгоритмом

Н. Фэркло [Fairclough, 2001: 25-26], акцентированном на «(1) лингвистических особенностях текста (*текст*), (2) процессах воспроизводства и потребления текста (*дискурсивная практика*); и (3) более широкой социальной практике, которой принадлежит коммуникативное событие (*социальная практика*)» [Йоргенсен, Филлипс, 2008: 120]. Наиболее значимым в нашем исследовании является анализ измерения социокультурной практики коммуникативного события в ходе, которого интерпретация происходит с учетом ситуационного контекста. Ситуационный контекст учитывает «экономические, политические (связанные с вопросами власти и идеологии) и культурные (связанные с вопросами ценностей и идентичности)» аспекты [Fairclough, 1995: 62]. Для анализа ситуационного контекста мы обращаемся к медиадискурсу.

Быстрые темпы развития средств массовой коммуникации во многом изменили привычные способы передачи информационных сообщений. В особенности это отразилось на медиадискурсе, понимаемом нами в обобщенном смысле как «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская, 2005: 21]. В рамках медиасферы текст, приобрел несвойственные ему прежде черты объёмности и многослойности, что привело в 90-х годах 20-го века к выделению особого вида текста, используемого в массовой коммуникации – медиатекста. С того времени медиатекст получил широкое распространение и прочно вошел в научный обиход. На сегодняшний день данное понятие находит различные определения и трактовки в трудах отечественных и зарубежных ученых.

Многообразие аспектов изучения медиатекста предполагают наличие большой вариативности трактовок данного термина. Влияние средств производства на медиатекст было отмечено в одном из первых системных описаний концепции данного термина в работах А. Белла. А. Белл определяет специфику данного понятия, проводя его сравнение с уже известным в науке термином «текст». «Понятие медиатекста гораздо шире:

оно включает голосовые качества, музыку и звуковые эффекты, визуальные образы – иначе говоря, медиатексты фактически отражают технологии, используемые для их производства и распространения» [Bell; цит. по: Добросклонская, 2008: 40].

В своей монографии С.И. Сметанина не дает точного определения понятию медиатекст, однако, раскрывает его содержание в культурном аспекте. Так, отталкиваясь от важности культурнозначимой информации заключенной в медиатекст, она характеризует данный термин «в качестве источника получения информации о духовных импульсах и материальной сфере человеческой деятельности, о принципах развития общества» [Сметанина, 2002: 78].

Г.Я. Солганик также выделяет медиатексты в качестве особой категории текстов, основываясь на специфичности их характерных черт, определенных условием их функционирования в сфере публицистического пространства. Так, Г.Я. Солгаником отмечается влияние специфики производителя текста и реципиента на его содержание. Г.Я. Солганик дает понятию медиатекст следующее определение: «Медиатекст – это разновидность текста, принадлежащая массовой информации, характеризующаяся особым типом автора (принципиальное совпадение производителя речи и ее субъекта), специфической текстовой модальностью (открытая речь, многообразное проявление авторского я), рассчитанная на массовую аудитория» [Солганик, 2005: 15].

Одна из наиболее целостных концепций медиатекста в отечественной практике представлена в научных трудах Т. Г. Добросклонской. Она, вслед за английскими авторами приходит к пониманию медиатекста за счёт рассмотрения его связи с развитием концепции текста. Текст, понимаемый исследователем как знаковая последовательность, характеризующаяся связностью и смысловой целостностью, расширяет свое значение, представляя собой последовательность не только вербальных, но и невербальных знаков, тем самым приобретая качества объемности и

многосложности. Так, ученая рассматривает «медиа текст как совокупность вербальных и медийных признаков» [Добросклонская, 2005: 40].

Выделяя медиатекст дискретной единицей медиапотока, Н.А. Кузьмина объединяет в рамки данного термина такие разноуровневые понятия как «газетная статья, радиопередача, телевизионные новости, Интернет-реклама» [Кузьмина, 2011: 6] а также и другие продукты СМИ. В определении Н.А. Кузьминой медиатекст, рассмотренный в коммуникативном аспекте представляет собой «динамическую сложную единицу высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций» [Кузьмина, 2011: 13].

М.Ю. Казак, также как Т.Г. Добросклонская, отмечает поликодовый характер медиатекста, отмечая наибольшую значимость категории открытости в процессе функционирования текста в медиадискурсе. М.Ю. Казак предлагает следующее определение данного термина: медиатекст «интегративный многоуровневый знак, объединяющий в единое коммуникативное целое разные семиотические коды (вербальные, невербальные, медийные) и демонстрирующий принципиальную открытость текста на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях» [Казак, 2012: 323].

Еще одно определение медиатекста, предлагающее широкое понимание данного термина предложено А.В. Федоровым. Медиатекст описан им как «сообщение, изложенное в любом виде и жанре медиа (газетная статья, телепередача, видеоклип, фильм и пр.)» [Федоров, 2001: 19].

На сегодняшний день термину «медиатекст» предложено множество токований, которые в большинстве своем характеризуют его как особый вид текста, включающий в себя совокупность как вербальных, так и невербальных медийных признаков и функционирующий в сфере массовых коммуникаций. В проводимом исследовании мы отталкиваемся от концепции медиатекста С.И. Сметаниной, ввиду необходимости учета

культуроспецифической информации для составления наиболее точной характеристики образа Великобритании.

Особенности и характерные черты медиатекста во многом обусловлены сферой и условиями его функционирования. Являясь продуктом СМИ и одним из главных средств формирования картины мира, медиатекст подвержен особому контролю содержания и представления информации, сохраняющей свою актуальность в течение достаточно непродолжительного периода времени. Медиатекст представляет собой результат коллективной работы специалистов, вносящих свой вклад в его окончательный вид. Также на природу медиатекста оказывает влияние и его посредническая роль в особом процессе коммуникации, которая преимущественно не имеет обратной связи. Кроме того, репрезентация медиатекста во многом зависит от технических средств его трансляции, определяющих его финальный облик.

Учитывая тематику нашего исследования, а именно изучение метафорического образа Великобритании в британских СМИ целесообразно учитывать такие категории медиатекста как «медийность, массовость (как в сфере создания, так и в сфере потребления медиапродуктов), интегративность, или поликодовость и открытость» [Кузьмина, 2011: 13], которые позволяют увидеть общее видение мира нацией.

Медийность. Финальный вид медиатекста во многом определяется способом его трансляции, открывающим различные возможности для представления его лингвоформатных свойств. Анализируемые нами в работе креолизованные тексты ставят акцент на анализе визуальной информации.

Массовость. Социальное взаимодействие в условиях массовой коммуникации предполагает наличие ряда отличительных черт, присущих адресанту и адресату сообщения. Зачастую медиатекст имеет только одного автора, однако, в процесс производства медиатекста заключается в командной работе многих лиц. Кроме того, массовая специфика медиатекста заключается еще и в том, что единый автор, преимущественно,

репрезентирует в своих работах взгляды определенных социальных общностей в расчете на массовую аудиторию, выступающую адресатом его сообщения. Исследуемые в нашей работе медиатексты отражают доминирующие общественные взгляды и созданы для трансляции широкой аудитории.

Интегративность. Представленная в медиатексте информация является конвенционально закодированной в соответствии с критериями канала передачи информации, идеологическим аспектом, жанром, культурной спецификой, риторическими особенностями и т.д. Тексты в сфере массовой коммуникации нередко являются креолизованными в силу сочетания в их структуре различных кодов.

Открытость. Медиатекст допускает в своем составе наличие многочисленных ссылок на прочие тексты медиапространства и отсутствие смысловой завершенности. Тексты СМИ – «это постоянная и бесконечная ссылка друг на друга и бесконечное цитирование; здесь нет базовых текстов, исходя из освоения которых шло бы развитие; здесь трудно указать исходные или направляющие моменты восприятия текста» [Володина, 2003: 38]. В аспекте нашего исследования открытость медиатекста находит отражение в связи медиатекстов статей британской прессы, дающих описание новостных событий, с креолизованными медиатекстами карикатур.

На сегодняшний день анализ медиатекстов едва ли может быть проведен без опоры на данные об их классификации, ведь, как известно каждый подтип медиатекста несет в себе свои специфические черты, обусловленные целевой направленностью создания, смысловой нагрузкой и многим другим.

Учитывая специфику проводимого исследования, мы видим целесообразным остановиться на классификации Н.А. Кузьминой, согласно которой по фактуре медиатексты можно подразделить на вербальные, невербальные (например, фотография) и креолизованные, последние из которых и составляют базу проводимого исследования.

Таким образом, изучая медиатекст как единицу медиадискурса мы обращаемся к критическому дискурс-анализу, который рассматривает лингвистические особенности текста, процесс его создания и потребления и ситуационный контекст. Ситуационный контекст несет важные для интерпретации коммуникативного события культурные, экономические и политические сведения. Медиадискурс трактуется нами как общность процессов и результатов речевой деятельности в области массовой коммуникации. Медиатекст представляет собой текст, отражающий технологии своего производства, в котором содержится важная информация о духовных импульсах и материальной сфере человеческой деятельности, о закономерностях развития общества. Медиатексты репрезентируют взгляды определенных социальных общностей и отличаются особым типом автора. Сообщаясь между собой путем ссылок и цитирований, лишенные смысловой завершенности медиатексты, представляют собой открытые системы.

1.3.2. Методы представления культурозначимой информации посредством медиатекста

Приводимые в нашей работе описания значений метафор были бы не полными без опоры на культурнозначимые сведения о Великобритании, отраженные в медиатекстах. «Медиатексты фиксируют реальные события, погружая их в нестабильное, меняющееся социокультурное пространство и нагружая их дополнительными информационно-культурными смыслами, что требует особой подготовки реципиента, потребителя информации, при интерпретации всех тематических и смысловых кодов новых медиатекстов» [Антонова, 2012: 75]. Невозможно достичь полного понимания медиатекста в отрыве от культурного аспекта. Язык любых газетных статей, радиопередач или телевизионных новостей непременно транслирует и аккумулирует культурные сведения и во многом отражает специфику своего производства. Популярные тексты массовой коммуникации в наибольшей степени

оказывают влияние на состояние культурно-информационной среды и формирование информативного пространства. Являясь символизированной формой представления культуры, текст служит важным материалом для ее понимания. «Во взаимодействии языкового текста и языкового сознания его интерпретаторов, опосредованном интерпретационной деятельности, кроется, как кажется, динамика процесса становления культурных ценностей и норм – явление в высшей степени значимое с точки зрения социальных изменений» [Дридзе, 1976: 35].

Так, изучая текст как материальную форму представления культуры, можно получить сведения об особенностях восприятия мира определенными национально-культурными общностями и отследить динамику изменений данных представлений. «В условиях современной культуры сознание человека фрагментарно, раздроблено, т.к. мир “информационного общества” отражается и конструируется с помощью принципиально иных текстов – текстов масс медиа, которые, воспроизводя мир во всем его противоречивом многообразии, постоянно ставят человека в ситуацию выбора» [Добросклонская, 2008: 171].

Говоря о текстовой материализации культуры, нельзя не отметить важность культурной специфичности, включающей все методы представления национально-культурных особенностей восприятия мира ведь «человеческие стороны реального — это одновременно и большая часть того, что имеет к нам отношение, и эти стороны изменяются от культуры к культуре, поскольку различным культурам присущи различные понятийные системы. К тому же культуры могут существовать в радикально различающихся физических условиях – в джунглях, пустыне, на островах, в тундре, в горах, городах и т. д. В каждом случае имеется физическая среда, с которой мы более или менее успешно взаимодействуем» [Лакофф, Джонсон, 2004: 176].

В рамках медиатекста культурная специфичность проявляется как в его вербальном, так и медийном аспектах, в частности в организации

информационного пространства, особенностях оформления медиатекста и языковых приемах передачи значений. Для наименования всего объема эксплицитной и имплицитной культурной информации заключенной в медиатексте преимущественно используется термин культурологический контекст. «Таким образом, культурологический контекст может быть определен как структурированная по уровням совокупность всех содержащихся в тексте культурозначимых сведений» [Добросклонская, 2008: 174]. Культурологический контекст медиатекстов, рассматриваемый в нашем исследовании, позволяет дать им более полную и подробную характеристику.

При анализе медиатекстов культурологический контекст, согласно Т.Г. Добросклонской, можно рассматривать на четырех уровнях: денотативном («культурозначимые сведения выражены в прямой эксплицитной форме»), коннотативном («культуроспецифичная информация содержится в экспрессивно-эмоционально-оценочных коннотациях»), ассоциативном («культуроспецифичные компоненты представлены в ассоциативных связях лексических и фразеологических единиц») и метафорическом («объединяет культуроспецифичные сведения, отраженные в метафорах, сравнениях, образах, присущих тому или иному языковому коллективу») [Там же].

В рамках проводимого нами анализа наибольший интерес представляет именно метафорический уровень репрезентации культурологического контекста, ведь «смысл, который открывает для нас метафора, частично обусловлен культурно» [Лакофф, Джонсон, 2004: 172].

Значимость исследования контекста метафорических выражений и образов была подчеркнута многими исследователями метафоры. В частности, важная роль контекста отмечается в таком направлении ее изучения как дескрипторная теория метафоры. «Последняя представляет собой попытку формализации когнитивной теории метафоры для формализованного (вряд ли формального в точном смысле) описания большого корпуса контекстов

использования метафор, т. е. для исследования метафорики дискурса в целом, а не анализа отдельных изолированных примеров» [Там же: 11].

Метафорический уровень контекста включает в себя совокупность культурологических данных, образно представленных в метафорической или сравнительной формах. Данный уровень представляет наибольшую сложность для интерпретации. На нем представлены культуроспецифические единицы, несущие национально-культурную значимость. В него входят «цитаты из литературных произведений, фильмов, высказывания известных людей, крылатые фразы, аллюзии, пословицы, поговорки, слова из песен, рекламные слоганы и т.д., иначе говоря, все то, что составляет текстовое выражение национальной культуры» [Добросклонская, 2008: 179]. Широкий ряд культурозначимых единиц, позволяющих отчетливо выразить мысль автора, репрезентирован практически во всех типах медиатекстов. Метафорический уровень контекста находится в постоянной динамике, вследствие взаимовлияния медиатекстов.

Таким образом, достижение наиболее полного понимания информации заключенной в метафоре невозможно без учета культурного аспекта, ведь медиатекст всегда транслирует и аккумулирует культуроспецифические сведения. Вследствие этого медиатекст может быть рассмотрен как форма представления культуры и материал для ее изучения. Культуроспецифичность медиатекста проявляется, как в особенностях его оформления, так и в использованных в нем языковых способах передачи значений. Для обозначения эксплицитной и имплицитной культурной информации используется термин культурологический контекст. Культурологический контекст может быть рассмотрен на денотативном (культуроспецифическая информация представлена эксплицитно), коннотативном (культуроспецифические сведения заложены на уровне коннотаций), ассоциативном (культуроспецифическая информация заключена в ассоциативных связях языковых единиц) и метафорическом (культуроспецифическая информация представленная в метафорах и

сравнениях) уровнях. Метафорический уровень контекста несет наибольшую важность в проводимом исследовании метафорического образа государства.

1.3.3. Мультиmodalность как свойство медиатекста

Ввиду изучения креолизованных медиатекстов в качестве материала проводимого исследования, мы находим целесообразным принять во внимание такое свойство медиатекста как мультиmodalность.

Важная особенность медиатекста заключается «в том, что он может быть включен в различные медийные структуры. Его можно использовать в газете с применением графических элементов, на радио – звучащего слова и шумов, которые дополняют пространственное восприятие звучащего текста, и визуально, когда текст сопровождается кинокадрами, фото и рисунками» [Засурский, 2005: 5]. Сегодня, ввиду значительного роста использования средств визуальной передачи информации ученые уделяют особое внимание исследованию экстралингвистического аспекта сопровождения письменной речи, который включает невербальные средства передачи информации. Хотя мультиmodalность традиционно связывают со структурами текстов в системах телевидения и радиовещания, все же «многие тексты периодической печати также представляют собой семиотически смешанные образования. Несмотря на то, что заставки, рисунки, фотоизображения и иной изобразительный материал являются лишь эпизодическими вкраплениями в основное вербально-текстовое поле издания, визуальная информация составляет неотъемлемую и чрезвычайно важную часть любого периодического издания» [Большаянова, 1986: 4].

Как известно, «мультиmodalность означает не просто наличие нескольких каналов связи, а их взаимодействие и интеграцию» [Кибрик, 2010: 146]. В связи с этим К. Гаузенблаз, исследуя зависимость смысла сообщения от экстралингвистических факторов, не включенных в его структуру, выделяет:

«1 Речевые произведения (относительно) независимые, "самодостаточные":

– среди устных речевых произведений сюда относятся такие, в которых не участвуют ни мимика, ни жесты, ни какие-либо звуковые средства (кроме языковых): радиопередачи, телефонные разговоры и т.п.;

– среди письменных речевых произведений сюда можно включить те из них, в которых содержание сообщения не выражено графическими неязыковыми средствами (рисунками, иллюстрациями, фотографиями).

Полностью независимые автономные речевые произведения встречаются очень редко.

2. Речевые произведения, (относительно) независимые от ситуации, но включающие как лингвистические средства, так и нелингвистические.

3. Речевые произведения, тесно связанные с ситуацией. С формальной точки зрения зависимость от ситуации выражается в лексико-грамматической неполноте реплик и в использовании единиц, семантически обусловленных ситуацией: личных, указательных, относительных и притяжательных местоимений, темпоральных и пространственных наречий и др» [Гаузенблаз; цит. по: Филиппов 2003: 199–200].

Зависимость сообщения от экстралингвистических средств, в рамках данного исследования, рассматривается в структуре креолизованных текстов. Согласно Д.П. Чигаеву, креолизованный текст «представляет собой семиотически неоднородное образование, состоящее из нескольких негомогенных частей, которому присущи текстовые категории, изначально характерные для гомогенных вербальных текстов» [Чигаев, 2010: 4]. Особой важностью среди нелингвистических средств в аспекте письменной коммуникации обладают иконические или изобразительные. Взаимосвязь между вербальным и иконическим компонентами текста может нести различный характер. Так, изображение может обладать собственной смысловой нагрузкой, оставаясь понятым и в отрыве от вербального компонента или же находиться в зависимом от него отношении. В последнем

случае интерпретация семантики сообщения может быть искажена при условии отсутствия одного из компонентов.

Остановившись в работе на анализе креолизованных медиатекстов, содержащих в своем составе изображение, мы обращаемся к трем моделям создания креолизованных текстов, включающих вербальный компонент и изображение. Д.П. Чигаев описывает их как: «1) вербальный текст + изображение: к исконному вербальному тексту добавляются изображения; 2) изображение + вербальный текст: к иллюстративно-визуальным элементам добавляются сопровождающие вербальные компоненты; 3) вербальный текст = изображение: текст изначально создается как креолизованный, вербальные и иллюстративно-визуальные компоненты подбираются специально для взаимодействия друг с другом» [Там же: 6]. Главный материал нашего исследования составляют креолизованные тексты, составленные в соответствии со второй моделью. Наибольшую смысловую нагрузку в них, как правило, несет именно иллюстративный компонент, в то время как текст, добавленный после создания карикатуры, лишь дает пояснения к изображению.

Классификацию уже созданных медиатекстов предлагает Е.Е. Анисимова. Исследуя возможные типы отношений корреляции между вербальным и иконическим компонентами сообщения, она выделяет три возможных типа креолизованных текстов:

Тексты с нулевой креолизацией не имеют в своем составе изображения или не зависят от него в плане организации.

В текстах с частичной креолизацией вербальная часть может оставаться относительно независимой от изображения. Изображение служит факультативным элементом креолизованного текста.

«В текстах с полной креолизацией вербальная часть не может существовать автономно, независимо от изобразительной части — между обоими компонентами устанавливаются синсемантические отношения. Вербальная часть в данном случае ориентирована на изображение или

отсылает к нему, а изображение выступает в качестве облигаторного элемента текста» [Анисимова, 2003: 15].

Более полная классификация креолизованных (видеовербальных) текстов предложена О.В. Поймановой, разграничивающей их по гетерогенности: «нулевая степень», «ненулевая степень»; по характеру иконического компонента «статичный», «двухмерный», «трехмерный»; в соответствии с вербальным компонентом: «устный», «письменный», «включающий знаки одного естественного языка», «включающий знаки нескольких естественных языков»; по знаковой семантике и значимости визуального компонента «репетиционные», «аддитивные», «выделительные», «оппозитивные», «интегративные», «изобразительно-центрические»; в соответствии с отношением вербальной и иконической части изображения «эксплицитно выраженные», «эксплицитно невыраженные» [Пойманова; цит. по: Анисимова, 2003: 16].

Рассматривая креолизованные тексты для проведения их мультимодального анализа мы останавливаемся на семантическом аспекте изучения их вербальных и невербальных компонентов. Значения, передаваемые вербально и невербально, основываются на когнитивных механизмах: пространственном положении объектов для реципиента и определении объектов, которые рассматриваются в алгоритме анализа изображения П. Чилтона.

«При анализе изображения П. Чилтон предлагает учитывать:

– значение изображения: положение реципиента и виды объектов, которые имеют "значение" для реципиента;

– "идеологическое" значение объектов для наблюдателя анализируется не через структуру и содержание, а посредством логических умозаключений и объяснений;

– точка зрения наблюдателя определяется с помощью пространственной перспективы изображения и объясняется зрительной системой человеческого мозга;

– положение реципиента может быть интерпретировано с точки зрения социальной значимости, иногда на основе метафоры, например "смотреть свысока" (взгляд сверху вниз), "смотреть почтительно" (взгляд снизу вверх), "быть на одном уровне", "сходиться во взглядах", "конфронтация лицом к лицу" и т. д.;

– объекты и люди идентифицируются на основании социальных знаний, включая социальные и расовые стереотипы;

– когнитивные операции: метонимия (например, сумка для покупок), блендинг разных областей социальных знаний;

– эмоции, возникающие у наблюдателя: страх, сожаление, солидарность и т. д.» [Chilton; цит. по: Детинко, Куликова, 2017: 16].

Таким образом, мы останавливаемся на таком свойстве медиатекста как мультимодальность в связи с изучением креолизованных медиатекстов в качестве основного материала проводимого исследования. Отмечая роль экстралингвистического аспекта в сопровождении письменной речи, мы изучаем речевые произведения, которые могут быть охарактеризованы как 1) относительно независимые от невербальных средств передачи информации; 2) речевые произведения, включающие как лингвистические так и нелингвистические средства, относительно независимые от ситуации 3) речевые произведения связанные с ситуацией. Специфическим типом сообщения, содержащим экстралингвистические средства, выступает креолизованный текст. Данный вид текста включает несколько негомогенных частей. Наиболее важным компонентом письменного креолизованного текста в нашей работе выступает изображение, которое может сохранять собственный смысл в отрыве от вербального компонента или же зависеть от него. Креолизованные тексты, содержащие в своем составе изображение, могут быть созданы путем добавления иконического изображения к уже существующему вербальному тексту, посредством присоединения вербального текста к существующему иконическому изображению или же вследствие производства текста и изображения как

дополняющих друг друга равнозначных компонентов. Креолизованные медиатексты, отобранные нами для анализа метафорических образов, созданы в соответствии со второй моделью. По степени зависимости между вербальным и иконическим компонентами выделяются тексты с нулевой креолизацией (тексты, не включающие изображение или не зависящие от вербального компонента), тексты с частичной креолизацией (тексты, вербальная часть которых относительно независима) и тексты с полной креолизацией (тексты, которых вербальная часть зависима от иконического компонента). Креолизованные медиатексты изучаются нами в соответствии с процедурой, представленной в работе П. Чилтона, учитывающей пространственное положение объектов для реципиента и идентификацию исследуемых объектов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Изучив основные подходы к пониманию метафоры, мы приняли за основу когнитивное направление ее изучения, в рамках которого метафора понимается нами как ментальный процесс переосмысления одних объектов и явлений в понятийных системах других.

Выявление метафор в текстах осуществляется нами в соответствии с процедурой Ч. Форсвилля, заключающейся в идентификации двух объектов сравнения как цели и источника метафоры, выделении общих черт, лежащих в основе аналогии и интерпретации результата.

Для составления структурированного описания метафорического образа государства мы используем классификацию по признаку сфер-источников, предполагающую выделение антропоморфных, артефактных, природоморфных и социоморфных метафор.

Мы обращаемся к дихотомии «свой – чужой» для описания представлений жителей Великобритании об образе своего государства. «Свой» понимается нами как являющийся чьей-то собственностью или характерный для кого-либо, в то время как «чужой» – не свойственный или являющийся чужой собственностью.

Категоризация в пределах дихотомии «свой-чужой» происходит на основании различных критериев, одним из которых может являться национальный. В частности, на основании данного критерия выделяется британская национальная идентичность.

Рассматривая метафорический образ «своего» государства внутри страны и представления о репрезентации «своего» образа на международной арене у носителей одной национальной идентичности мы исследуем монокультурную и межкультурную перспективы взаимодействия со «своим».

Основным источником материала проводимого исследования служит медиатекст, как текст, отражающий технологии своего производства и содержащий информацию о духовных импульсах и материальной сфере

человеческой деятельности, а также о закономерностях общественного развития.

Мы характеризуем мультимодальность как свойство медиатекста в связи с изучением креолизованных медиатекстов в качестве материала проводимого исследования. Креолизованный текст представляет собой текст, состоящий из нескольких негомогенных частей при важной роли экстралингвистического аспекта в сопровождении письменной речи.

Исследование креолизованных медиатекстов производится нами в соответствии с процедурой мультимодального анализа, учитывающей пространственное положение объектов для реципиента и идентификацию исследуемых объектов.

ГЛАВА 2. МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В МОНОКУЛЬТУНОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВАХ

2.1. Газета *the Guardian* в британском медиадискурсе

В проводимом исследовании источником материала для изучения метафорического образа Великобритании является известная британская газета *The Guardian*.

Газета *The Guardian*, основанная С. Тростом, впервые была опубликована в 1821 году под названием *Manchester Guardian*. Вместе с *The Observer* и *The Guardian Weekly*, *The Guardian* является частью *Guardian Media Group* включающей в себя газеты, радиостанции и печатные СМИ и вебсайты. На период с 1936 по 2008 год медиакомпания являлась собственностью благотворительного фонда Скотта Троста, целью которого было «обеспечение финансовой и редакционной независимости *The Guardian* на вечные времена и защита журналистской свободы и либеральных ценностей от коммерческого или политического вмешательства» [The Guardian, 2015]. Позже благотворительный фонд был преобразован в компанию *The Scott Trust Limited*. Однако председатель Л. Форган подтвердила, что цели компании остались прежними.

Печатное издание *The Guardian* выпускается ежедневно. Тираж газеты на март 2021 года – 109243 экземпляра [ABC, 2009]. Основную аудиторию газеты составляют читатели, придерживающиеся левых политических взглядов.

Популярность *The Guardian* не в последнюю очередь связана с ее качеством публикаций. Согласно данным опроса общественного мнения *Ipsos MORI research* аудитория считает наиболее авторитетным изданием, публикующим достоверные факты *The Guardian*. *The Guardian* доверяют 84% читателей.

По результатам опроса *Publishers Audience Measurement Company* (PAMCo), проведенного в декабре 2018 года *The Guardian* была признана самой надежной газетой Великобритании, а кроме того, и самым читаемым и качественным новостным изданием [Waterson, 2018].

О высоком качестве издания говорят и награды, присужденные *The Guardian* и ее журналистам, такие как репортер года, иностранный репортер, сенсация года, карикатурист года, веб-сайт года и др.

В 2007 году газета была удостоена первого места по открытости среди 25 наиболее известных англоязычных СМИ согласно исследованию *the International Center for Media and the Public Agenda* [Moeller, 2006]. Кроме того, *The Guardian* была присуждена Пулитцеровской премии в 2014 году.

Веб-сайт *The Guardian* трижды выступал призером в номинации лучшая газета в 2005, 2006 и 2007 годах, опередив *The New York Times*, *The Washington Post* и др. Сайт был признан цифровой инновацией в 2008, 2009 годах.

Карикатуры, представленные нами в работе, были отобраны из материалов новостного медиа-сайта британской газеты *the Guardian*. Содержание сайта *TheGuardian.com* почти полностью включает материалы печатного издания со значительным дополнением веб-работ. В ноябре 2014 года *TheGuardian.com* занял место второй по популярности онлайн-газеты [Ponsford, 2014].

В структуре сайта представлены разделы «новости», «мнения», «спорт», «культура» и «образ жизни». Новостной раздел содержит информацию о коронавирусе, новости внешней и внутренней политики, глобальные события, экологические, научные, спортивные и технологические сведения, а также информацию о бизнесе и некрологи. Особенностью сайта является качественная система взаимодействия с пользователями в секции мнения, содержащей комментарии и политические оценки. Модераторы отслеживают пользовательские отзывы, контролируя их в соответствии с цензурной политикой сайта.

Материалы сайта находятся в бесплатном доступе. Ознакомиться с ними можно без регистрации. Также, данные доступны и в мобильных приложениях для *iOS* и *Android*.

Таким образом, популярная газета *The Guardian* представляет собой образец качественной прессы, отражающий либеральные взгляды. Удостоенная большого количества наград газета известна своей открытостью. В связи с этим мы выбрали газету *The Guardian* основным источником материала в нашей работе. В проводимом исследовании мы опирались на данные веб-сайта газеты *The Guardian*, содержание которого во многом воспроизводит сведения, представление в печатном издании, дополняясь веб-разработками.

2.2. Метафорическая репрезентация образа Великобритании

2.2.1. Репрезентация образа Великобритании посредством природоморфной метафоры

Метафорическая репрезентация образа Великобритании в креолизованных медиатекстах британских СМИ осуществляется путем использования различных сфер-источников. Социальная реальность нередко концептуализируется через создание ассоциативных связей с природой. «Источниками метафорической экспансии в данном случае служат понятийные сферы "Мир животных", "Мир растений", "Мир неживой природы" <...>» [Чудинов, 2003: 77].

В природоморфной репрезентации метафорического образа Великобритании важная роль отведена зооморфной метафоре, представленной понятийным сферам «Мир животных» и «Мир неживой природы».

2.2.1.1. Монокультурная перспектива изучения природоморфной метафоры

В качестве примера репрезентации метафорического образа Великобритании в монокультурной перспективе представим креолизованный медиатекст, опубликованный в британской газете *The Guardian* от 17 октября 2017 года (Рисунок 3) [Bell, 2017e].

Рисунок 3. Steve Bell on Boris Johnson and Foreign Office questions (17.10.17)

Данное изображение выступает реакцией на ответ министра иностранных дел Великобритании – Бориса Джонсона члену шотландского парламента Джейми Стоуну о комментарии немецкого политика Михаэля Фукса. Михаэль Фукс утверждал, что Борис Джонсон задерживает прогресс в переговорах по выходу Великобритании из Евросоюза (*Brexit*), мешая Терезе Мэй сделать более приемлемое предложение финансирования. Борис

Джонсон призвал членов ЕС серьезно рассмотреть условия Великобритании для продвижения в вопросе Брексита ("*up to our friends and partners in the EU now to look seriously at the offer we are making, particularly on citizens, and to make progress*" [Mason, 2017]).

На изображении представлен Борис Джонсон в образе «лев», который закован в цепи. Он удерживается одной лапой на краю обрыва, сжимая в другой флаг Великобритании.

По нашему мнению, Борис Джонсон изображается в роли льва и олицетворяет собой образ страны. Сковывающие льва цепи символизируют ограничения, налагаемые трудностями протекания процесса выхода Великобритании из Евросоюза (*Brexit*), находящегося в затянувшейся стагнации. Цепи притягивают льва ко дну, тем самым символизируя то, что ситуация должна найти скорейшее разрешение, так как ограничения могут привести к нежелательным последствиям для Великобритании.

Вербальный компонент представлен в нижней части изображения через фразы "*Let the British Lion roar*" и "*Part 2*". Высказывание "*Let the British Lion roar*" с метафорой *the British Lion* носит побудительный характер призыва к действиям для «освобождения льва из цепей». Интертекстуально высказывания "*Let the British Lion roar*" и "*Part 2*" связывают данный креолизованный медиатекст с опубликованным в *The Guardian* ранее (Рисунок 4) [Bell, 2017d].

Рисунок 4. Steve Bell on Boris Johnson's conference speech (03.10.17)

Данный медиатекст является реакцией на выступление Бориса Джонсона на конференции консервативной партии в Манчестере. В ходе своей речи министр иностранных дел Борис Джонсон поддержал Терезу Мэй, высказавшуюся во Флоренции по вопросам, касающимся выхода Великобритании из Евросоюза (*Brexit*). Борис Джонсон сравнил жителей Великобритании со львом (*"We are not the lion. We do not claim to be the lion. That role is played by the people of this country"*), утверждая, что консервативная партия позволяет «льву зарычать» (*"to let that lion roar"*) [Sparrow, 2017].

Таким образом, изображение Бориса Джонсона в образе «льва» встречалось в газете *The Guardian* и ранее, являясь ссылкой на высказывание министра иностранных дел (*"to let that lion roar"*).

Интертекстуально образ «льва» в речи Б. Джонсона и креолизованных медиатекстах С. Белла связан с образом «британского льва», который, в

геральдике несет значение могущества Великобритании. Однако, современный «британский лев», по нашему мнению, выглядит скорее бессильным. В связи с чем можно заключить, что политические изменения влекут за собой потерю прежнего могущества Британии.

Природоморфная метафора образа государства в монокультурной перспективе включает образы, относящиеся к «Миру неживой природы». Одним из основных образов выступает «Белая скала Дувра».

Для иллюстрации данного образа, представим креолизованный медиатекст, опубликованный в британской газете *The Guardian* 6 марта 2019 года (Рисунок 5) [Jennings, 2019a].

Рисунок 5. Nicola Jennings on Theresa May, knife crime and Brexit (6.03.19)

Данный медиатекст посвящен проблеме чрезвычайного роста числа преступлений в Великобритании. За 2018 год было совершено 39818 преступлений с применением холодного оружия, что почти на треть больше показателей 2014 года [Weaver, 2019]. Возможной причиной роста преступности стало сокращение финансирования полиции, повлекшее за

собой с 2010 года увольнение 21000 сотрудников [Dodd et al., 2019]. Тереза Мэй утверждала, что решение о сокращении должно обеспечить более разумную и эффективную работу полиции.

Также данное изображение связано с рассмотрением в парламенте соглашения по выходу Великобритании из Евросоюза (Brexit). Первый вариант соглашения Терезы Мэй был отвергнут 15 января 2019 года. Рассмотрение второго назначалось на 12 марта 2019 года. Следствием возможного отказа от проекта соглашения могла стать техническая отсрочка по дате Брексита.

В креолизованном медиатексте представлена Тереза Мэй, висящая на кончике ножа за Белой скалой Дувра. В руке Терезы Мэй порванные бумаги.

Премьер-министр Тереза Мэй висит над обрывом на острие ножа, символизирующего, на наш взгляд, рост числа преступлений с применением холодного оружия. По нашему мнению, рассматривая решение Терезы Мэй о сокращении финансирования полиции как ошибочное и повлекшее за собой трагические последствия, Никола Дженнингс представил премьер-министра в качестве жертвы преступления с применением холодного оружия.

Вербальный компонент изображения включает реплику Терезы Мэй *"Help! Police! Where are you?"*. Мы рассматриваем это как безрезультатную попытку Терезы Мэй, обратиться за помощью к полиции, не способной справиться с контролем преступности из-за нехватки сотрудников.

Другой способ выражения вербального компонента – подпись *"My Deal"* на разорванных бумагах в руке премьер-министра, указывающая на то, что данный документ представляет собой проект соглашения по выходу Великобритании из состава ЕС. По нашему мнению, испорченная бумага документа свидетельствует о том, содержание соглашения имеет существенные недоработки и не отвечает требованиям для утверждения в парламенте.

Кроме того, вербальный компонент представлен и написанным на ноже словом *"brexit"*, позволяющим, на наш взгляд, рассматривать нож в качестве

символа выхода Великобритании из Евросоюза (*Brexit*). Никола Дженнингс изображает Терезу Мэй, держащую соглашение по вопросу Брексита на острие ножа за Белой скалой Дувра – образом Великобритании. По нашему мнению, это свидетельствует о несоответствии соглашения Терезы Мэй по вопросу выхода Великобритании из состава ЕС взглядам большинства жителей страны. Изображая Терезу Мэй за пределами Белой скалы Дувра, символизирующей Великобританию, автор метафорически «отдаляет» Терезу Мэй, тем самым показывая, что ее политические решения исключают ее из «мы-группы» жителей страны.

Так, метафорический образ Великобритании, созданный посредством природоморфных метафор, во многом образован сферами-источниками разрядов «Мир животных» и «Мир неживой природы». В монокультурной перспективе страна репрезентирована в образах «лев» и «Белая скала Дувра». По нашему мнению, метафорический образ «британский льва», традиционно несущий значение могущества Великобритании в рассматриваемых креолизованных текстах претерпел существенные изменения и приобрёл противоположное значение слабости, бессилия, что может охарактеризовать Великобританию как страну с богатым историческим прошлым, которая теряет свое положение в настоящее время. Представление Великобритании в качестве острова, краем которого является «Белая скала Дувра», позволяет рассматривать ее как сплоченное элитарное сообщества людей, высоко ценящих свой национальный статус. Члены сообщества склонны исключать из его состава тех, кто представляет идеи, не отражающие мнения большинства или понижающие статус общности.

2.2.1.2. Межкультурная перспектива изучения природоморфной метафоры

Межкультурная перспектива репрезентации образа Великобритании также предлагает к рассмотрению множество зооморфных метафор. В

особенности в межкультурной перспективе выделяется такой метафорический образ как «собака».

В частности, данный образ присутствует в креолизованном медиатексте британской газеты *The Guardian*, опубликованном 22 августа 2020 года (Рисунок 6) [Bell, 2019a].

Рисунок 6. Steve Bell on Boris Johnson's Brexit meetings with Merkel and Macron (22.08.19)

Данное изображение является реакцией на встречи Бориса Джонсона с Ангелой Меркель и Эммануэлем Макроном 22 августа 2020 года. В ходе встреч обсуждались условия установления границы между Ирландией и Северной Ирландией. Борис Джонсон восхитился словами Ангелы Меркель о том, что проблема установления границы между Ирландией и Северной Ирландией может быть решена в течение тридцати дней. Однако Ангела Меркель пояснила, что Борис Джонсон неверно истолковал ее высказывание, в котором она не устанавливала буквальный крайний срок [Rankin, 2019]. Эммануэль Макрон призвал Бориса Джонсона изложить альтернативные варианты установления границы, вместо неприятого ранее, и заявил, что он

согласен с Ангелой Меркель в необходимости скорейшего решения вопроса [Chrisafis; Rankin, 2019].

В креолизованном медиатексте представлены Борис Джонсон, Ангела Меркель и Эммануэль Макрон. Б. Джонсон изображен в виде собаки. Он опускает язык на плечо Ангелы Меркель. За спиной Б. Джоносна находится гора фекалий. А. Меркель, сидящая перед Борисом Джонсоном, прикладывает правую руку к лицу. Справа на изображении находится Э. Макрон. Э. Макрон смотрит на А. Меркель и Б. Джонсона.

По нашему мнению, Борис Джонсон, изображенный в виде собаки, олицетворяет собой образ Великобритании. Собака опускает язык на плечо А. Меркель, что иллюстрирует доброжелательность и преданность. Мы полагаем, что поводом для этого стало восхищение Б. Джонсона неверно истолкованными словами А. Меркель о кратчайших сроках решения проблемы установления границы между Ирландией и Северной Ирландией. Однако А. Меркель не относится к Б. Джонсону столь же дружелюбно. Она выражает недовольство поведением собаки. Ее брови приподняты, а уголки рта провисают. Э. Макрон, смотрящий на А. Меркель и Б. Джонсона, крайне раздражен. Его брови опущены и сведены, а челюсти плотно сжаты. Несмотря на проявляемое дружелюбие и желание как можно скорее решить проблему установления границы между Ирландией и Северной Ирландией, Б. Джонсон переходит к переговорам преждевременно, без необходимой подготовки, что вызывает негативную реакцию политических лидеров Франции и Германии.

Другой пример, иллюстрирующий представление Великобритании в межкультурной перспективе посредством зооморфной метафоры раскрыт через образ «кролик» (Рисунок 7) [Bell, 2018].

Рисунок 7. Steve Bell on the DUP's fresh blow to the prime minister's Brexit plans (09.10.18)

Данный креолизованный медиатекст является реакцией на создание коалиции между Консервативной партией и Демократической юнионистской партией (ДЮП). Вследствие того, что на досрочных парламентских выборах 8 июня 2018 года премьер-министр Тереза Мэй получила только 317 мест в Палате общин, она была вынуждена идти на компромисс и вести переговоры с Демократической юнионистской партией о получении дополнительных 10 мест. Арлин Фостер, лидер ДЮП, выдвинула условие об отказе от введения пограничного контроля и торговых барьеров между Северной Ирландией и остальной частью Великобритании после заключения сделки по выходу Великобритании из Евросоюза (*Brexit*). Данное условие противоречило прежним договорённостям Великобритании и ЕС. Таоизич Лео Варадкар заявил, что для Терезы Мэй неприемлемо отклонять предложения ЕС [Sherwood et al., 2018].

На изображении представлена лидер ДЮП Арлин Фостер. В ее левой руке находится шляпа, а в правой Тереза Мэй с кроличьими ушами в

костюме цветов флага Великобритании. Тереза Мэй изображена в леопардовой обуви, являющейся одним из ее главных атрибутов в карикатурах С. Белла.

По нашему мнению, кролик в одежде цветов британского флага, отражает образ страны в данном креолизованном тексте. Мы полагаем, что сравнение Великобритании с небольшим животным (кроликом) позволяет представить статус страны заниженным. Тереза Мэй, изображенная в образе кролика, находится в руках фокусника – Арлин Фостер, оказывающей существенное влияние на решения премьер-министра Т. Мэй в вопросе установления Ирландской границы. Тем самым, по нашему мнению, автор представляет положение Великобритании как зависимое.

В межкультурной перспективе для репрезентации образа Великобритании использованы природоморфные метафоры со сферами-источниками «собака» и «кролик». По нашему мнению, метафорический образ «собака» в представлении страны демонстрирует понижение статуса на международной арене. Невоспитанная собака, несмотря на свое дружелюбие, вызывает раздражение и досаду у политических лидеров в креолизованном тексте. Действия премьер-министра Великобритании также не находят одобрения у лидера Германии, несмотря на проявленное ей восхищение. На наш взгляд, использование образа кролика для репрезентации страны представляет Великобританию как не имеющую достаточно влияния и находящуюся в ситуации зависимости. Кролик подчиняется фокуснику, достающему его из шляпы во время представления. Соответственно, премьер-министр Великобритании, представляющий образ страны на карикатуре, должен принимать невыгодные условия лидера ДЮП для сохранения должности.

2.2.2. Репрезентация образа Великобритании посредством артефактной метафоры

Представления о понятиях и явлениях нередко соотносятся метафорически с артефактами таких сфер-источников как «"Механизм", "Дом (здание)", "Мир компьютеров", "Инструмент", "Домашняя утварь" и др.» [Чудинов, 2003: 77]. Метафорический образ Великобритании также находит отражение в артефактных метафорах.

2.2.2.1. Монокультурная перспектива изучения артефактной метафоры

В монокультурной перспективе, посредством артефактной метафоры, страна репрезентирована в образе «дома (здания)», прототипом которого выступает «башня Вестминстерского Аббатства».

Данный метафорический образ проиллюстрирован в креолизованном медиатексте газеты *The Guardian*, опубликованном 24 августа 2019 года (Рисунок 8) [Bell, 2019b].

Рисунок 8. Steve Bell on Boris Johnson's suspension of parliament (24.09.19)

Рассматриваемый креолизованный медиатекст представляет собой реакцию на решение верховного суда по вопросу установления легитимности действий премьер-министра Бориса Джонсона, принятое 24 августа 2019 года. Верховный суд признал незаконной приостановку работы парламента для выхода Великобритании из Евросоюза (*Brexit*) без заключения сделки [Carrell; Bowcott, 2019]. После чего лидер лейбористской партии Джереми Корбин призывал Бориса Джонсона уйти в отставку [Sparrow; Rawlinson, 2019].

На данном изображении Борис Джонсон представлен в образе горящего дирижабля у башни Вестминстерского Аббатства (Биг Бена). За ним наблюдает Джереми Корбин. Он разводит руки в стороны.

По нашему мнению, «башня Вестминстерского Аббатства» (Биг Бен) представляет собой образ Великобритании в данном креолизованном тексте. Негативные последствия действий Б. Джонсона представлены огнем, охватывающим пространство рядом с башней Вестминстерского Аббатства (Биг Беном). Мы полагаем, что Б. Джонсон, как сторонник выхода из

Великобритании из ЕС (*Brexit*) без заключения сделки, имплицитно представляется автором как источник опасности страны. Занимая должность премьер-министра, Борис Джонсон обладает большими должностными полномочиями, чем лидер лейбористской партии Джереми Корбин. На наш взгляд, в связи с этим Борис Джонсон представлен крупнее. Джереми Корбин, находящийся в отдалении от башни Вестминстерского Аббатства, выступает сторонним наблюдателем, не оказывающим прямого влияния на ситуацию. Он разводит руками. Данный жест, по нашему мнению, выдает недоумение и неспособность повлиять на ход событий (Рисунок 9) [Shere, 1937].

Рисунок 9. Hindenburg disaster

Интертекстуально данное изображение связано с падением дирижабля «Гинденбург». Катастрофа дирижабля «Гинденбург» произошла 6 мая 1937 года на авиабазе США в городе Манчестер-Тауншип. Выпустив якорные

канаты, дирижабль загорелся и упал на землю. В результате катастрофы погибло 36 человек. Вероятной причиной крушения являлось воспламенение водорода, произошедшее вследствие его утечки из разорвавшегося баллона. По нашему мнению, С. Белл сравнивает возможные негативные результаты выхода Великобритании из Евросоюза (*Brexit*) без заключения сделки с последствиями падения дирижабля «Гинденбург».

Другим примером метафорического образа, созданного посредством артефактной метафоры и репрезентирующего метафорический образ государства в монокультурной перспективе, является «автомобиль».

Для иллюстрации данного образа, рассмотрим креолизованный медиатекст, опубликованный в газете *The Guardian* 27 июля 2017 года (Рисунок 10) [Bell, 2017с].

Рисунок 10. Steve Bell on the second Scottish independence referendum (27.07.17)

Данный креолизованный медиатекст представляет собой реакцию на отмену второго референдума о независимости Шотландии. Никола

Стерджен, первый министр Шотландии и лидер партии *SNP* настаивала на проведении референдума, неверно оценив важность предварительного решения вопроса выхода Великобритании из состава ЕС (*Brexit*) для жителей Шотландии. Ввиду этого, *SNP* потеряла 21 из своих 56 мест в Вестминстере на выборах, где поддержка партии упала на 477000 голосов по сравнению с всеобщими выборами 2015 года. Николе Стерджен пришлось снять проведение референдума с повестки дня ради рассмотрения более актуального вопроса – выхода Великобритании из состава ЕС. Никола Стерджен отказалась от своих требований о проведении нового референдума о независимости до подписания соглашения о *Brexit*, не установив точных сроков нового референдума [Carrell, 2017].

В данном креолизованном медиатексте представлен автомобиль, окрашенный в цвета флага Великобритании, который едет в направлении стены с рисунком флага ЕС. За его рулем на водительском сидении находится Тереза Мэй. На пассажирском месте в детском кресле располагается Никола Стерджен, сжимающая в руках игрушечное рулевое колесо автомобиля. На изображении Никола Стерджен представлена значительно меньше, чем Тереза Мэй.

По нашему мнению, репрезентация Великобритании в данном креолизованном медиатексте происходит через образ автомобиля, окрашенного в цвета флага страны, посредством которого автор представляет Великобританию как слаженно работающий механизм. Автомобиль находится под управлением водителя так же, как и страна под руководством премьер-министра. Тереза Мэй находящаяся за рулем машины, направляет ее в сторону стены с изображением флага Евросоюза, тем самым намереваясь вывести Великобританию из состава Евросоюза. В детском кресле, за спиной премьер-министра находится Никола Стерджен, первый министр Шотландии. Никола Стерджен, изображена меньше Терезы Мэй, занимающей более высокий пост и обладающей большим влиянием. В то время как Тереза Мэй управляет транспортным средством, Никола

Стерджен только играет с меньшим рулевым колесом. Так, Тереза Мэй осуществляет выход Великобритании из Евросоюза (*Brexit*), в то время как Никола Стерджен не принимает независимого решения о членстве Шотландии в составе Евросоюза.

В качестве вербального компонента изображения использована реплика Николы Стерджен «*Okay – you go first*» адресованная Терезе Мэй. Находясь на переднем сидении, Тереза Мэй первой врежется в стену, как и Великобритания под руководством Терезы Мэй первой выйдет из состава Евросоюза. В случае утверждения независимости Шотландии после выхода Великобритании из состава ЕС (*Brexit*), шотландцы самостоятельно примут решение о членстве страны в составе Евросоюза.

В монокультурной перспективе Великобритания представляется в образе «башня Вестминстерского Аббатства» и «автомобиль». На наш взгляд, изображая Великобританию в качестве здания (башни Вестминстерского Аббатства), находящегося в центре разрушений автор указывает на то, что следствия действий ведущих политических лиц несут опасность для страны, метафорически сравнимую с угрозой пожара. Однако здание башни Вестминстерского Аббатства остаётся целым, что позволяет сделать вывод о стойкости Великобритании перед трудностями. Великобритания как автомобиль представляется слаженно работающим механизмом, управляемым премьер-министром Великобритании, в большей степени определяющим политический курс вместе с правящей партией, порой, вразрез с мнением представителей стран соединенного королевства, главы которых занимают «пассажиры места».

2.2.2.2. Межкультурная перспектива изучения артефактной метафоры

В межкультурной перспективе посредством артефактной метафоры страна представлена в образе «корабль».

Исследуя репрезентацию метафорического образа Великобритании в межкультурной перспективе, изучим креолизованный медиатекст, опубликованный в британской газете *The Guardian*, 11 сентября 2020 года (Рисунок 11) [Rowson, 2020].

Рисунок 11. Martin Rowson on Johnson's Brexit brinkmanship (11.09.20)

Представленный креолизованный медиатекст является реакцией на действия премьер-министра Великобритании Борис Джонсона, призвавшего депутатов парламента поддержать законопроект, направленный на сохранение целостности внутреннего рынка Великобритании после выхода страны из состава ЕС (*Brexit*), однако, затрагивающий проблему ирландской границы [Freedland, 2020]. Данный законопроект допускал нарушение взятых на себя Лондоном международных обязательств и шел вразрез с положениями Европейской конвенции по правам человека [Boffey et al., 2020]. Доминик Каммингс, советник премьер-министра Великобритании, являлся его сторонником. Главным переговорщиком от ЕС выступал Мишель Барнье.

На данном изображении представлены Мишель Барнье, Доминик Каммингс и Борис Джонсон, стоящие на трапе корабля. Мишель Барнье, расположенный на краю трапа, поднимает левую руку с часами и держит чемодан с изображением флага ЕС в правой руке. За его спиной находится Доминик Каммингс направляющий на Мишеля Барнье деревянный меч. Следом за Домиником Каммингсом стоит Борис Джонсон. Борис Джонсон изображен в качестве капитана корабля. В его правой руке меч, который рассекает трап пиратского судна.

В данном случае, по нашему мнению, образ Великобритании представлен образом «корабль». Капитаном корабля является Б. Джонсон. Б. Джонсон обрубает мечом край трапа, на котором стоит вместе с Мишелем Барнье и Домиником Каммингсом. На наш взгляд, тем самым С. Белл указывает на то, что необдуманные и поспешные действия Б. Джонсона в попытке осуществить выход Великобритании из Евросоюза (*Brexit*) не отражают взгляды жителей страны. Обрубая трап, Б. Джонсон метафорически отделяется от судна, несущего образ Великобритании, исключая себя из группы «своих». Возможной причиной «исключения» является принятие Б. Джонсоном политического решения, расцениваемого как непопулярное в группе «своих». Так, по нашему мнению, автор описывает Великобританию как автономное и независимое государство. Образ Евросоюза в данном креолизованном медиатексте представлен Мишелем Барнье, держащим в правой руке чемодан с рисунком флага ЕС. Мишель Барнье поднимает левую руку с часами, следя за временем, оставшимся до осуществления Брексита. Находясь на краю, он готовится сойти с трапа, тем самым разделив Великобританию и ЕС, чем вновь подчеркивается автономность страны. Направляет Мишеля Барнье Доминик Каммингс держащий в руках деревянный меч. Мы полагаем, что, по мнению автора, советник Б. Джонсона демонстрирует желание сообщить о намерениях немедленного выхода Великобритании из Евросоюза (*Brexit*),

несмотря на то, что платформа для этого еще не готова. Данные намерения выглядят как игра с деревянным мечом.

В межкультурной перспективе страна репрезентирована в образе «судна» характеризующего ее в качестве закрытого сообщества, члены которого высоко ценят свою статусность. Необдуманное действие капитана корабля, обрубающего собственный трап, таким образом, рассматриваются как несоответствующие и, как следствие, лишаящие его возможности вернуться на корабль метафорически отделяя его от автономной группы «своих».

2.2.3. Репрезентация образа Великобритании посредством социоморфной метафоры

Сегодня в медиадискурсе широко представлены социоморфные метафоры, предполагающие структурирование действительности по образцу общественных взаимодействий. Данная категория метафор опирается на понятийные сферы «"Преступность", "Война", "Театр" (зрелищные искусства)", "Экономика", "Игра и спорт"» [Чудинов, 2003: 77].

2.2.3.1. Монокультурная перспектива изучения социоморфной метафоры

Для представления образа Великобритании в монокультурной перспективе исследования используется образ «воин».

Метафорический образ Великобритании в монокультурной перспективе может быть представлен в креолизованном медиатексте, опубликованном в газете *The Guardian* 23 июня 2020 года (Рисунок 12) [Bell, 2020a].

Рисунок 12. Steve Bell on Boris Johnson's trip to Scotland (23.06.2020)

Данный креолизованный медиатекст посвящен первому визиту Бориса Джонсона в Шотландию после всеобщих выборов. Целью визита была попытка укрепления позиций союза в ходе, которой премьер-министр Борис Джонсон высказал утверждение о том, что независимая Шотландия не сможет контролировать распространение коронавируса из-за нехватки финансирования. Никола Стерджен – первый министр Шотландии обвинила Бориса Джонсона в том, что он использовал коронавирус как «политическое оружие» для усиления поддержки союза [Brooks, 2020].

На изображении С. Белла запечатлены ряды воинов, вооруженных копьями. Они одеты в доспехи, их лица окрашены в цвета флага Великобритании. Среди воинов можно узнать Бориса Джонсона.

Борис Джонсон, занимает центральное положение на изображении в рядах воинов, по нашему мнению, представляющих Великобританию. Возможной причиной изображения Бориса Джонсона в качестве воина является утверждение Николы Стерджен о том, что премьер-министр

Великобритании использует коронавирус в качестве «политического оружия» для сохранения Шотландии в составе Великобритании.

Вербальный компонент изображения представлен репликой Б. Джонсона "*You'll never take away our Grousemoors!*", что может быть передано на русском языке как «Вам не отнять нашу Куропаточью пустошь!». Куропаточья пустошь представляет собой участок землевладельца-аристократа, расположенный в Шотландии и предназначенный для разведения куропаток для охоты. По нашему мнению, в данном случае Борис Джонсон, добивающийся сохранения Шотландии в составе Великобритании, метафорически представляется воином, отстаивающим свои права на свои территории. Шотландия изображается в качестве участка для разведения куропаток, что метафорически понижает ее статус. По нашему мнению, называя Шотландию Куропаточьей пустошью в реплике Б. Джонсона, автор характеризует отношение Б. Джонсона к вопросу независимости Шотландии как несерьезное.

Монокультурная перспектива представления Великобритании представлена образом «игровая площадка».

Исследуя репрезентацию метафорического образа Великобритании в межкультурной перспективе, рассмотрим иллюстрацию в британской газете *The Guardian* 8 ноября 2017 года (Рисунок 13) [Bell, 2017b].

Рисунок 13. Steve Bell on the Conservative party sack race (08.11.17)

Изображение Стива Белла посвящено ряду политических решений членов консервативной партии.

1 ноября 2017 года Борис Джонсон допустил неточность в высказывании перед парламентским комитетом по иностранным делам. Во время выступления глава МИД ошибочно указал, что иранская заключенная Назанин Загари-Рэтклифф, осужденная за участие в политическом заговоре преподавала журналистику. Вследствие этого, британке иранского происхождения предъявили новое обвинение в распространении антиправительственной пропаганды. Лидер Лейбористской партии Джереми Корбин подчеркнул необходимость отстранения Бориса Джонсона от должности, в то время как член Лейбористской партии Э. Торнберри высказала свое мнение о том, что действующий премьер-министр не в состоянии принять данное решение и призвала Б. Джонсона самостоятельно оставить занимаемый пост [Dehghan et al., 2017].

Также, 1 ноября Майкл Фэллон, министр обороны Великобритании, был вынужден подать заявление об увольнении из-за обвинения в сексуальных домогательствах. Министр обороны признал, что его поведение в прошлом не соответствовало высоким стандартам вооруженных сил.

Прити Пател, министр по вопросам международного развития, провела 12 встреч с высокопоставленными официальными лицами без предварительного уведомления министерства иностранных дел. После чего, Прити Пател была вынуждена подать в отставку из-за «действий, несоответствующих стандартам» занимаемой должности [Asthana; Syal, 2017].

Уход двух министров кабинета и отказ от увольнения Б. Джонсона для многих стал подтверждением слабости Т. Мэй как премьер-министра и неустойчивости правительства.

На изображении представлены Прити Пател, Борис Джонсон и Тереза Мэй в мешках, передвигающиеся прыжками в направлении края обрыва. Прити Пател и Б. Джонсон изображены в одежде цветов флага Великобритании. На голове Прити Пател надета шляпа, изображающая танк. Тереза Мэй держит в руках игрушечный пистолет.

По нашему мнению, образ Великобритании на данном изображении представлен Прити Пател и Борисом Джонсоном, одетыми в цветах флага государства и Белой скалы Дувра. Прити Пател, Борис Джонсон и Тереза Мэй играющие в бег в мешках на краю обрыва действуют необдуманно, не осознавая опасность своих действий. Политические действия министра по вопросам международного развития и главы МИД также выглядят необдуманными, а их последствия могут нести потенциальную угрозу. Мы полагаем, что изображение политических лиц в качестве участников детской игры представляет их в негативном свете и определяя их образ действий как инфантильный, не отвечающий требованиям.

Вербальный компонент изображения представлен репликой Терезы Мэй "*On your marks, get set*" и предложением "*Britain in the world 2: the*

zombie sack race", расположенным в левом верхнем углу изображения. Мы полагаем, что конструкция "*Britain in the world 2*" указывает на то, что, по мнению автора действия политических лиц, влияют на образ страны на международной арене. Устойчивое словосочетание "*sack race*" означающее «бег в мешках», может быть дословно передано как «гонка на увольнение». П. Пател находящаяся перед Б. Джонсоном и Т. Мэй «выигрывает» гонку в связи с тем, что уже подала заявление об уходе, за ней следует Б. Джонсон, получивший рекомендацию оставить пост, а после него и сама Т. Мэй. Реплика Терезы Мэй "*On your marks, get set...*", которая может быть передана на русский язык как «На старт, внимание...», позволяет передать специфику игры.

Субстантивированное прилагательное "*zombie*" относящееся к словосочетанию "*sack race*" является ссылкой на цитату Джереми Корбина, согласно которой Тереза Мэй возглавляет "зомби-правительство" не способное справиться с организацией Брексита.

Интертекстуально конструкция "*Britain in the world 2*" связывает данное изображение с карикатурой Стива Белла, опубликованной 07 ноября 2017 года (Рисунок 14) [Bell, 2017a].

Рисунок 14. Steve Bell on Priti Patel and Boris Johnson (07.11.17)

Данный креолизованный медиатекст также посвящен 12 встречам Прити Пател с официальными лицами и неточности Б. Джонсона в высказывании об иранской заключенной. Героями обоих изображений являются Прити Пател, Борис Джонсон и Тереза Мэй представленные в игровой ситуации метафорически понижающей статус страны.

Так, Великобритания репрезентируется образами «воин» и «игровая площадка». Нередко в карикатурах, раскрывающих метафорический образ Великобритании, применяются военные символы, которые, по нашему мнению, представляют подход Великобритании к решению политических задач как деятельный и упорный. Великобритания в качестве воина, не принимающего независимость участка собственных земель представляется страной высоко ценящей сохранение союза входящих в ее состав государств, однако применяющей для его сохранения методы руководства, которые можно счесть властными. Кроме того, еще одной сферой изображения страны служит «игровая площадка». Участниками игры выступают

политические лица Великобритании. Представление политических лиц в игровой ситуации, по нашему мнению, указывает на недостаточно серьезный, инфантильный, подход к решению задач страны.

2.2.3.2. Межкультурная перспектива изучения социоморфной метафоры

Репрезентация образа Великобритании посредством социоморфной метафоры в межкультурной перспективе опирается на образ пассажира военного судна (Б. Джонсона)

В качестве примера репрезентации метафорического образа Великобритании в межкультурной перспективе рассмотрим иллюстрацию, опубликованную в британской газете *The Guardian* 21 июля 2019 года (Рисунок 15) [Jennings, 2019b].

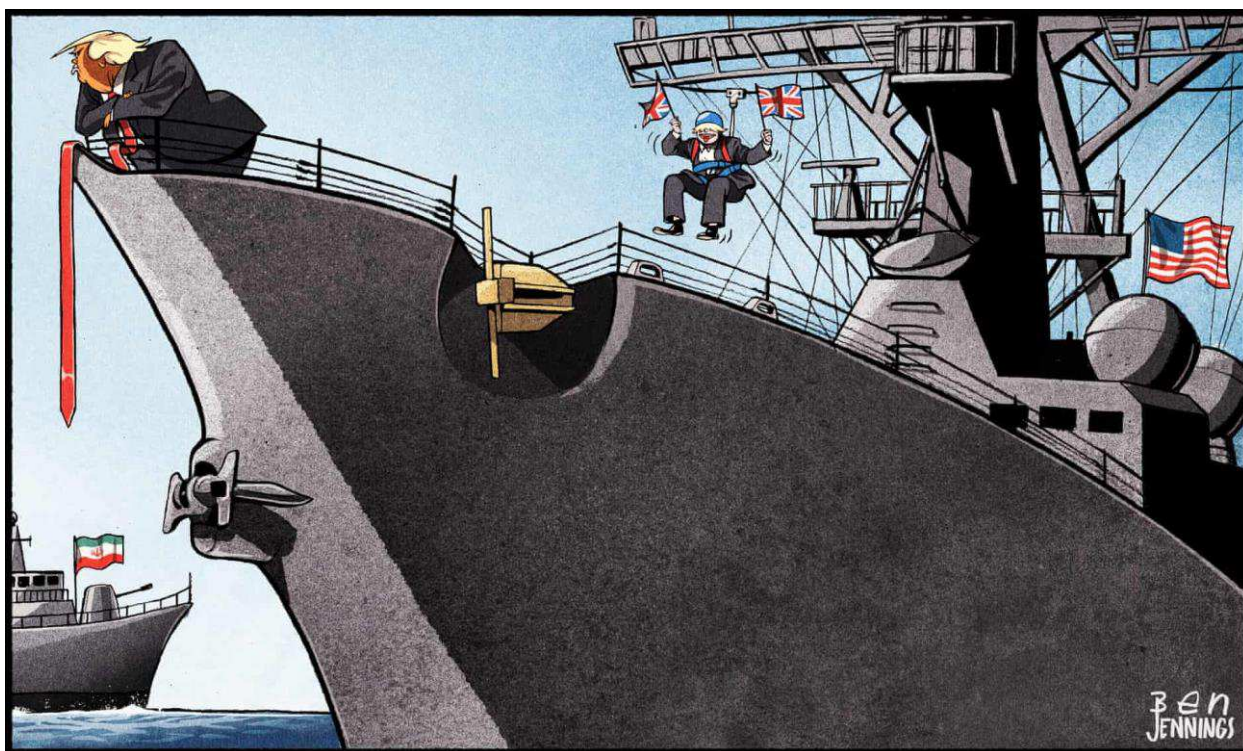

Рисунок 15. Ben Jennings on rising tensions between Iran and the west (21.07.19)

Представленное изображение является реакцией на развитие кризиса в Персидском заливе. 15 июля 2015 года США, Франция, Великобритания, Германия, Китай, Россия и Иран приняли Совместный всеобъемлющий план действий, который был расторгнут США в одностороннем порядке в 2018 году, после чего в 2019 году Иран заявил о прекращении соблюдения некоторых пунктов «ядерной сделки». 4 июля 2019 года британскими военными в соответствии с просьбой США был задержан иранский танкер *Grace 1* в Гибралтаре за транспортировку нефти в Сирию вопреки санкциям ЕС. В ответ на захват *Grace 1*, 19 июля 2019 года бойцы КСИР задержали британский танкер *Stena Impero* в Ормузском проливе за нарушение международных правил судоходства [Vakil, 2019].

На карикатуре Бена Дженнинга изображен военный корабль под флагом США. На борту судна можно увидеть Д. Трампа и Б. Джонсона. Д. Трамп опирается на фальшборт, глядя в направлении военного судна под Иранским флагом, в то время как Б. Джонсон, сидит в подвесном кресле, держа в руках два флага Великобритании.

По нашему мнению, американо-иранский конфликт на изображении Б. Дженнинга представлен через использование образов двух военных кораблей под флагами США и Ирана. На борту американского судна находится Д. Трамп, который внимательно следит за иранским военным кораблем. Так, США в холодной войне с Ираком внимательно оценивает действия противника. В отличие от Д. Трампа, Б. Джонсон, не обращает внимания на судно Ирака. Б. Джонсон, по нашему мнению, репрезентирующий образ Великобритании, размахивает флагами страны, сидя в подвесном кресле и высунув язык. Поведение премьер-министра не отвечает серьезности ситуации. Б. Джонсон предпринимает действия в Американо-иранском конфликте, последствием которых может стать обострение вражды в Тегеране, отчаянно пытающемся увеличить свой экспорт нефти.

Интертекстуально изображение Б. Дженнинга связано с фотографией Б. Джонсона, сделанной 2 августа 2012 года в парке развлечений Лондона (Рисунок 16) [Mooney, 2012].

Рисунок 16. London Mayor Boris Johnson looming like a spectre on a faulty zip-line, was not unlike watching London host the Olympics (02.08.12)

На снимке запечатлен Б. Джонсон на канатно-кресельной дороге в момент поломки механизма. Мэр Лондона около 5 минут находился на высоте 20 метров над парком.

Так, Б. Дженнингс перенес Б. Джонсона со снимка на аттракционе на карикатуру, посвященную военному конфликту США и Ирана указывая на несоответствие ситуации действий премьер-министра ситуации. По нашему мнению, тем самым автор подчеркнул, что решения правительства дискредитируют Великобританию на международной арене.

Таким образом, на наш взгляд, в межкультурной перспективе страна представлена социоморфной метафорой со сферой-источником «пассажир военного судна», что, по нашему мнению, характеризует страну как малозначительного и неосторожного участника военного конфликта других держав, действия которого не отвечают серьезности ситуации. Представляя

Великобританию на международной арене в качестве политического лица, несерьезные действия, которого не соответствуют ситуации войны, автор указывает на неуместность решений правительства дискредитирующих страну на мировой арене.

2.2.4. Репрезентация образа Великобритании посредством антропоморфной метафоры

Моделируя действительность человек, представляет сложные понятия в качестве знакомых реалий. Для создания антропоморфных метафор, он проецирует себя, собственные проявления и свойства на окружающий мир. «При исследовании этого разряда анализируются концепты, относящиеся к исходным понятийным сферам "Анатомия" "Физиология", "Болезнь", "Секс", "Семья" и т. п.» [Чудинов, 2003: 77].

2.2.4.1. Монокультурная перспектива изучения антропоморфной метафоры

В монокультурной перспективе образ Великобритании часто представлен антропоморфными метафорами ввиду пандемии коронавирусной инфекции. Одним из образов метафорической репрезентации Великобритании служит «судно в волнах коронавируса».

В качестве примера репрезентации метафорического образа Великобритании в монокультурной перспективе рассмотрим креолизованный медиатекст, опубликованный в британской газете *The Guardian* 22 декабря 2020 года (Рисунок 17) [Jennings, 2020].

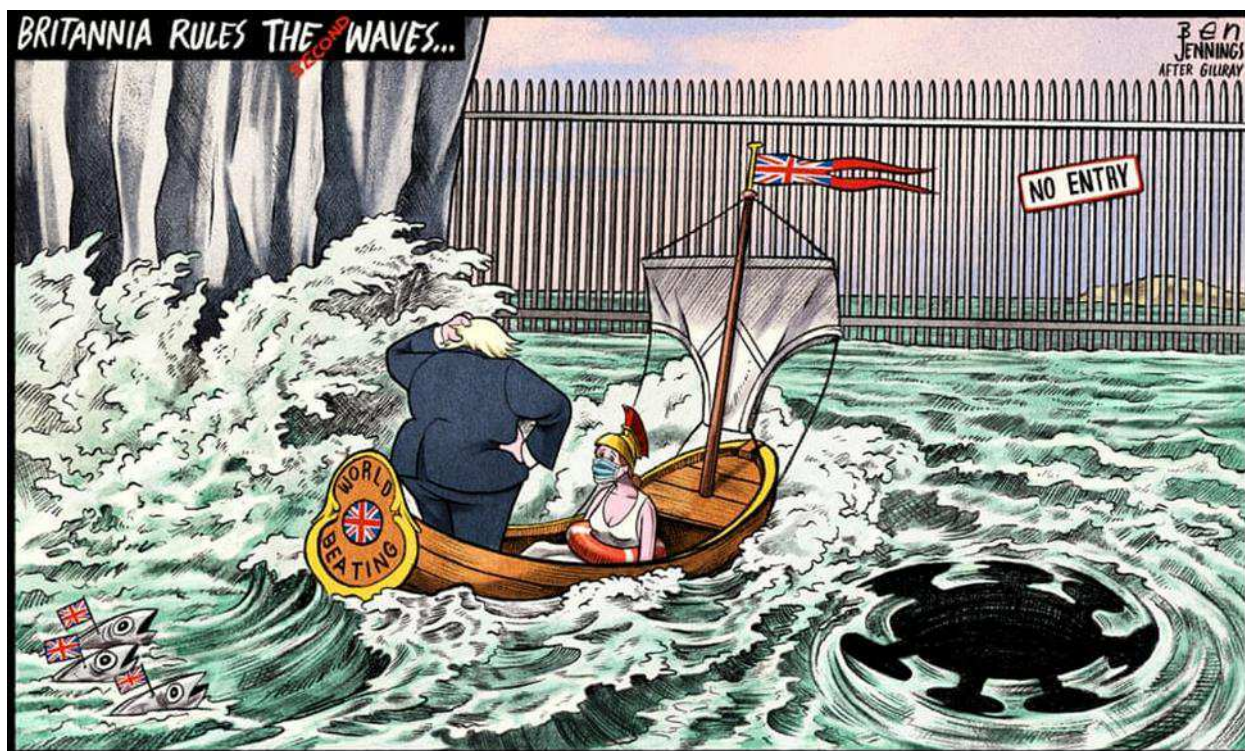

Рисунок 17. Ben Jennings on UK and France crisis talks to reopen border (22.12.20)

Данное изображение посвящено проблеме слабого контроля правительства над *Covid-19*. Постоянные задержки в принятии решений привели к тому, что уровень смертности в Великобритании стал одним из самых высоких в мире. Более раннее введение строгой изоляции могло бы вдвое снизить уровень смертности, по словам Н. Дэвиса. Государства-члены ЕС ввели запрет на поездки в Великобританию и ограничили грузовые перевозки из Великобритании в попытке остановить распространение коронавируса. «Лучшая в мире» система проверки и отслеживания ("*world-beating*" *test-and-trace system*) не показала желаемых результатов. Не удалось отследить соблюдение карантина и обеспечить жителей страны достойными больничными пособиями [Campbell, 2020].

На данном изображении представлен Борис Джонсон, стоящий в судне. Напротив него находится женщина в шлеме и маске. Высокие волны захлестывают корабль и влекут его к воронке в форме вируса. Перед кораблем расположен высокий забор со знаком "*no entry*".

По нашему мнению, расположенное на рисунке судно небольших размеров под флагом Великобритании воплощает собой образ страны. Управляет судном Б. Джонсон. Он прикладывает руку к голове, что выдает его замешательство в выборе нужного курса. Напротив Бориса Джонсона сидит женщина в спасательном круге с маской на лице, которая также представляет собой персонифицированный символ Великобритании известный со времен античности. На наш взгляд, спасательный круг сковывает движения женщины, а надетая маска мешает ей говорить. Тем самым автор подчеркивает неспособность повлиять на происходящую ситуацию никого кроме Б. Джонсона. Б. Джонсон направляет взгляд в сторону ограждения. Забор со знаком разделяет территорию Европы и Великобритании, символизируя ограничение въезда и выезда из страны. Волны, несущие лодку сравниваются автором с «волнами» коронавируса, которые метафорически направляют Великобританию к воронке, где корабль может затонуть. Мы полагаем, что тем самым автор указывает, на то, что последствия коронавируса для Великобритании могут оказаться необратимыми.

Представленное на рисунке судно изображено небольшим, однако на нем расположена надпись "*world-beating*", которая может быть передана как «Лучшее в мире». По нашему мнению, явный контраст между содержанием надписи и видом судна указывает на существующее различие между ожиданиями от системы проверки и отслеживания ("*world-beating test-and-trace system*") и результатами ее работы.

По нашему мнению, надпись на знаке "*No entry*" указывает на то, что забор, отделяющий штормовые воды Великобритании от спокойных вод ЕС перекрывает путь для лодки, тем самым подчёркивая факт того, что ЕС ввел запрет на поездки и грузовые перевозки из Великобритании.

Надпись "*Britannia rules the second wave*" интертекстуально связана с цитатой «Правь, Британия, морями!» ("*Rule, Britannia, rule the waves*") из стихотворения Дж. Томсона «Правь, Британия!» (*James Thomson, "Rule*

Britannia"). Представленная в стихотворении Великобритания занимает положение сильной морской державы. Однако на изображении С. Белла мы видим Великобритании в образе небольшого судна. Так, автор проводит сравнение нынешнего положения страны с ее прошлым, в котором сегодняшняя Британия уступает.

Другим примером сферы-источника антропоморфной метафоры, служащей для репрезентации образа Великобритании служит «боксер, борющийся с коронавирусом».

Исследуя репрезентацию метафорического образа Великобритании в монокультурной перспективе, рассмотрим креолизованный медиатекст, опубликованный в газете *The Guardian* 10 января 2021 года (Рисунок 18) [Jennings, 2021].

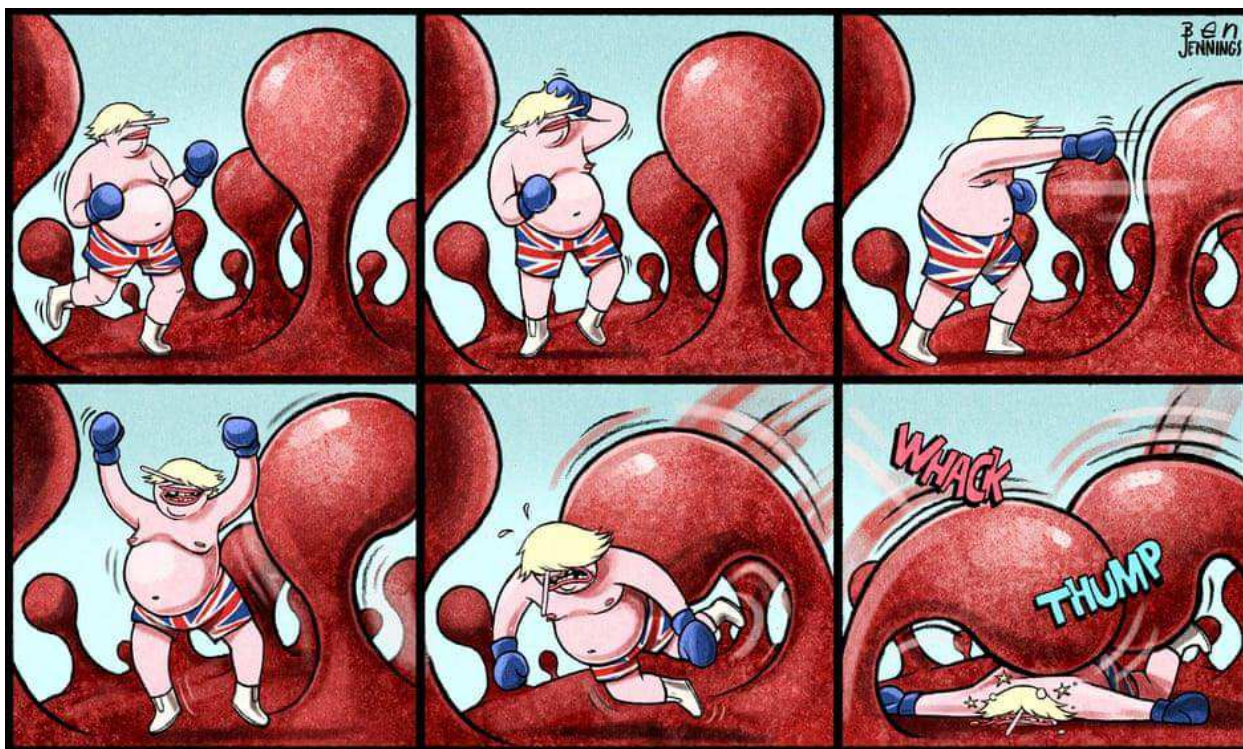

Рисунок 18. Ben Jennings on Boris Johnson's fight against the Covid-19 pandemic (10.01.21)

Рассматриваемая карикатура представляет собой реакцию на резкий рост заболеваемости коронавирусом. Анализ, проведенный *Edge Health*, показал, что количество коронавирусных инфекций в Англии могло

достигать 12,4 миллиона человек, что эквивалентно 22% населения, по состоянию на 3 января 2021 года. Борис Джонсон ввел третий общенациональный карантин с 5 января 2021 года в связи с ростом числа заболевших. Однако, согласно опросу *Opinium* для *Observer* около 72% британцев считали, что правительство действовало недостаточно быстро для предотвращения распространения вируса, а 42% полагали что и последующая ситуация требовала более скорого принятия решительных мер. Недостаточно быстрое принятие решения о введении ограничений подорвало авторитет Бориса Джонсона. 43% опрошенных посчитали, что премьер-министр должен отставить свой пост и только 40% что Борис Джонсон должен руководить страной и дальше [Savage, 2021].

На изображении Бена Дженнинга, разбитом на шесть частей представлен Борис Джонсон, одетый в боксерскую экипировку цветов флага Великобритании. На первых трех частях изображения Борис Джонсон наносит удар по красному шару. После чего на четвертом изображении премьер-министр в прыжке поднимает руки вверх. Последние изображения показывают премьер-министра упавшим от удара раскачавшегося красного шара.

По нашему мнению, Борис Джонсон, носящий боксерскую экипировку цветов флага Великобритании, представляет метафорический образ страны в борьбе с распространением коронавирусной инфекции, которая символизируется красным шаром. Нанося удары по красному шару, Б. Джонсон одерживает временную победу. Так и правительственные меры по предотвращению распространения вируса дают видимый положительный результат. Борис Джонсон подпрыгивает, поднимая руки вверх, на его лице заметна улыбка. Он поворачивается спиной к красному шару. Радуюсь успешным атакам, Борис Джонсон не обращает внимания на раскачивающийся шар, который наносит ему новый удар. Премьер-министр не успевает принять своевременные меры по борьбе с коронавирусом, что ведет к значительному росту числа зараженных. Обрушившиеся на

Б. Джонсона удары оказываются сокрушительными. На последнем изображении Б. Джонсон представлен побежденным.

Вербальный компонент изображения включает междометия "*Whack*" и "*Thump*", характеризующие глухой звук удара красного шара. Использование междометий позволяет отразить силу атаки, направленной на Бориса Джонсона.

Так, Великобритания изображается антропоморфными метафорами, основанными на образах «судно в волнах коронавируса» и «боксер, борющийся с коронавирусом». В условиях пандемии коронавирусной инфекции, Великобритания изображена в качестве «судна в волнах коронавируса», что, по нашему мнению, указывает невыгодное и тревожное положение страны в борьбе с вирусом ввиду несвоевременности принятия мер по предотвращению распространения болезни. Другой образ Великобритании «боксер, борющийся с коронавирусом». В условиях пандемии коронавирусной инфекции Великобритания представляется в активной роли «боксера», что отражает готовность Великобритании принимать меры по предотвращению распространения болезни. Однако поражение боксера символизирует правительственные неудачи в «борьбе» с коронавирусом.

2.2.4.3. Межкультурная перспектива изучения антропоморфной метафоры

Антропоморфная метафора репрезентации образа Великобритании в межкультурной перспективе опирается преимущественно на сферы-источники разряда «физиология», такие как «маленький человек» и «группа детей».

Изучая репрезентацию метафорического образа Великобритании в межкультурной перспективе, рассмотрим креолизованный медиатекст в

опубликованный в газете *The Guardian* 23 января 2020 года (Рисунок 19) [Bell, 2020b].

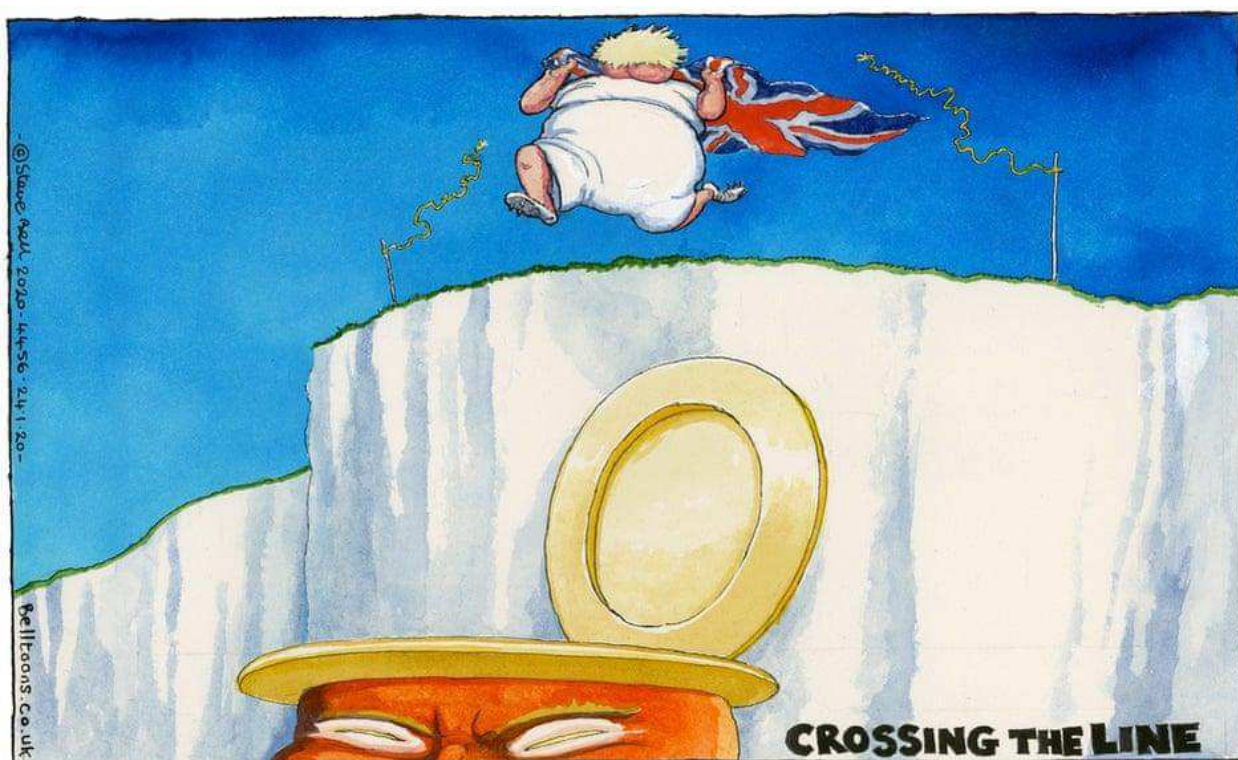

Рисунок 19. Steve Bell on Boris Johnson's Brexit bill becoming law (23.01.2020)

Данное изображение связано с утверждением Елизаветой II законопроекта Б. Джонсона о выходе Великобритании из Евросоюза. Б. Джонсон был уверен в том, что скорейший выход Великобритании из состава ЕС (*Brexit*) позволит выстроить выгодные торговые отношения с различными странами и в первую очередь заключить сделку с США. Данная сделка согласно словам президента Д. Трампа, включала несколько пунктов, выполнение которых возможно только после выхода Великобритании из состава ЕС (*Brexit*). Однако, сжатые сроки подготовки к выходу Великобритании из состава ЕС (*Brexit*) могли помешать заключению привилегированного торгового соглашения с Евросоюзом.

На изображении представлен Борис Джонсон, который бежит по обрыву, в руках у него флаг Великобритании, за его спиной развиваются обрывки финишной ленты. Под обрывом расположена голова Д. Трампа,

часть которой заменена на раскрытый стульчак. Д. Трамп представлен значительно крупнее Бориса Джонсона.

На наш взгляд, метафорический образ Великобритании представлен Б. Джонсоном, держащим флаг страны. Одетый в спортивную форму Б. Джонсон изображен как бегун, пересекший финишную черту. Он направляется к краю обрыва, которого он не замечает. Так, Б. Джонсон спешит пересечь финишную черту выхода Великобритании из состава ЕС (*Brexit*) для скорейшего заключения торгового соглашения с США. По нашему мнению, Б. Джонсон представлен значительно меньше, чем инициатор сделки, Д. Трамп, вследствие чего Б. Джонсон кажется менее значительным. Неизбежное падение Б. Джонсона в голову Д. Трампа указывает на возможный негативный результат соглашения.

Вербальный компонент представлен надписью "*crossing the line*" расположенный в правом нижнем углу изображения. Данное словосочетание является ссылкой на цитату Б. Джонсона о том, что Великобритания «пересекла финишную черту выхода Великобритании из состава ЕС (*Brexit*)» ("*crossed the Brexit finish line*") после того, как парламент принял закон, реализующий сделку о выходе.

Еще одним примером использования антропоморфной физиологической метафоры в межкультурной перспективе является представление Великобритании в образе «группа детей».

Исследуя репрезентацию метафорического образа Великобритании в межкультурной перспективе, рассмотрим другую иллюстрацию в британской газете *The Guardian*, опубликованную 17 июля 2017 года (Рисунок 20) [Jennings, 2017].

Рисунок 20. Ben Jennings on round two of Brexit talks (17.07.17)

Предложенное изображение посвящено второму раунду переговоров по Brexit, проходившему 17 июля 2017 года. Переговорную команду ЕС возглавил М. Барнье, а вдвое большую британскую Д. Дэвис. Британское правительство оказалось неспособным вести переговоры на должном уровне. Кир Стармер, теневой министр по выходу Великобритании из состава ЕС (*Brexit*), заявил, что после выборов правительство находилось в смятении, позиции кабинета министров по наиболее важным вопросам *Brexit* были несогласованны, переговорная команда не подготовлена, а премьер-министр потеряла свой авторитет. Кир Стармер также подчеркнул, что время уходит, а риски растут день ото дня. Во время встречи фотографы запечатлели неудачное изображение переговорной команды ЕС с бумагами, сложенными перед ними и британской команды, без каких-либо документов, что вызвало насмешки в социальных сетях по поводу недостаточной готовности Великобритании. Британские правительственные чиновники настаивали на

том, что Д. Дэвису еще только предстояло извлечь документы из своего портфеля.

В креолизованном медиатексте изображен кабинет, где ведутся переговоры между представителями Великобритании и ЕС. За столом сидит М. Барнье, представляющий интересы ЕС. Он свистит глядя на наручные часы. Напротив М. Барнье находится переговорная команда Великобритании, члены которой изображены в качестве детей.

По нашему мнению, сидя за столом, М. Барнье ожидает начала переговоров. Он следит за временем, глядя на наручные часы. Однако, неподготовленная команда Великобритании не готова к равному обсуждению вопросов выхода Великобритании из состава ЕС (*Brexit*). В связи с этим политические представители Великобритании изображены детьми. Разрозненность группы детей передает несогласованность позиций членов команды Великобритании, передающей метафорический образ страны.

Образ Великобритании выражен в межкультурной перспективе, путем использования физиологических антропоморфных метафор со сферами-источниками «маленький человек» и «группа детей». По нашему мнению, образ маленького человека отражает недостаточную значимость Великобритании на международной арене. Изображенный меньшим по размеру Б. Джонсон представляется недостаточно влиятельным по сравнению с лидером США. Великобритания представлена путем использования филологической антропоморфной метафоры в качестве в образе «группа детей». Образ «группа детей», в качестве которых изображены политические лица страны, характеризует несогласованность действий правительства в решении ключевых вопросов условий выхода Великобритании из состава ЕС (*Brexit*). Неподготовленные к ведению переговоров политики изображены как дети за столом с представителем ЕС. Их статус в межкультурной перспективе представлен значительно заниженным

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Газета *The Guardian*, известная высоким качеством своих публикаций, служит основным источником эмпирического материала в проводимом исследовании образа государства.

Описание метафорического образа государства составлено на основании 200 креолизованных медиатекстов (карикатур), представленных в газете *The Guardian* в период 2017-2021 гг.

Метафорические образы, выявленные в материалах газеты, классифицированы в соответствии с типологией А.П. Чудинова по сферам-источникам, лежащим в основе метафоры. Природоморфные, артефактные, социоморфные и антропоморфные метафоры рассмотрены нами через монокультурную и межкультурную перспективы взаимодействия со «своим». Метафорический образ Великобритании рассмотрен с точки зрения «своей» культуры, а также точки зрения представленности Великобритании на международной арене.

Природоморфные метафоры в монокультурной перспективе изображают Великобританию в качестве «льва» и «Белой скалы Дувра». По нашему мнению, данные образы характеризуют Великобританию в качестве страны, хранящей память о достижениях прошлого, которые воспринимаются в ней как более значительные в сравнении с нынешними. Однако, жители страны высоко ценят свой национальный статус, представляя группу «своих» в качестве закрытого элитарного сообщества. В межкультурной перспективе Великобритания представлена в образах «кролик» и «собака». Данные зооморфные метафоры представляют страну в ситуации принижения статуса и характеризуют ее положение как зависимое.

Артефактные метафоры в монокультурной перспективе представлены образами «башня Вестминстерского Аббатства» и «автомобиль». На наш взгляд, метафорические образы Великобритании описывают ее как страну, политический курс которой в большей степени зависит от решений

центрального правительства и не всегда полностью учитывает интересы отдельных ее частей. Ошибки в выборе политического курса порой ставят Великобританию в опасное положение, в котором страна не теряет стойкость. В межкультурной перспективе образом Великобритании служит «корабль». Использование образа «корабль» указывает на ценность британского национального статуса для жителей страны, объединенных в самодостаточную группу.

Социоморфные метафоры в монокультурной перспективе опираются на образы «воин» и «игровая площадка». Мы считаем, что данные образы изображают Великобританию страной, ставящей своей целью сохранение союза входящих в ее состав частей и реализующей данную цель в рамках деятельного и порой властного подхода. Социоморфные метафоры в межкультурной перспективе представляют Великобританию в образе «пассажир военного судна», описывающем положение страны в военном конфликте как зависимое и малозначительное.

Антропоморфные метафоры в монокультурной перспективе представляют Великобританию в образе «судно в волнах коронавируса» и «боксер, борющийся с коронавирусом». На наш взгляд, рассмотренные образы изображают Великобританию в невыгодном и тревожном положении в борьбе с распространением коронавирусной инфекции. Антропоморфные метафоры в межкультурной перспективе представляют Великобританию в образах «группа детей» и «маленький человек». По нашему мнению, указанные образы характеризуют страну как не имеющую достаточно веса и влияния ввиду того, что действия ее представителей на международной арене порой несогласованные и не отвечающие серьезности ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе нами было охарактеризовано содержание понятий метафоры и метафорического образа. Метафора понимается нами в рамках когнитивного направления как переосмысление одних объектов в понятийной системе других. Метафорический образ в данной работе соотносится с более конкретной частью предметного знания, воздействие которой направлено на бессознательные ассоциативные процессы.

В работе представлены алгоритмы идентификации метафор в текстах, такие как классический подход Дж. Сёрля, процедура идентификации метафоры Г. Стейна, расширенная С.А. Хахаловой, и способ Ч. Форсвилля.

Нами было изучено восемь классификаций метафоры, четыре из которых выделены как наиболее важные для рассмотрения разнообразия сфер-источников (классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Ю.И. Левина, В.П. Москвина и А.П. Чудинова).

«Свой» рассматривается нами в работе как принадлежащий или свойственный кому-либо. «Чужой» соотносится с не собственным или принадлежащим другому. «Свое» воспринимается как естественное, гетерогенное, наделенное положительными качествами и легитимное, в то время как «чужое» считается отличным от нормы, гомогенным, нелегитимным и чаще рассматриваемым в негативном ключе.

Нами исследуются такие перспективы взаимодействия со «своим» как монокультурная (образ «своего» в лингвокультуре отправителя дискурса) и межкультурная (представление о «себе» в «чужой» для отправителя дискурса лингвокультуре)

Медиадискурс как пространство репрезентации государства изучается в качестве среды, аккумулирующей и транслирующей культурозначимую информацию.

Мультимодальность как свойство медиатекста была рассмотрена нами в качестве способности медиатекста сочетать в своем составе несколько негомогенных частей.

Рассмотрение метафорического образа государства проводилось на основании 200 креолизованных медиатекстов (карикатур), опубликованных в газете *The Guardian* рамках периода 2017-2021 гг.

Описания метафорических образов структурированы в соответствии с классификацией А.П. Чудинова. Природоморфные, артефактные, социоморфные и антропоморфные метафоры исследованы нами через монокультурную и межкультурную перспективы взаимодействия со «своим».

Природоморфные метафоры в монокультурной перспективе представляют страну в образах «лев» и «Белая скала Дувра». В межкультурной перспективе – «кролик» и «собака». По нашему мнению, указанные образы изображают Великобританию страной, утрачивающей свой исторический статус, но высоко оценивающей собственную репутацию. В решении международных вопросов положение страны может быть рассмотрено как зависимое.

Артефактные метафоры в монокультурной перспективе опираются на образы «башня Вестминстерского Аббатства» и «автомобиль». В межкультурной перспективе Великобритания представлена в образе «корабль». Мы считаем, что Великобритания характеризуется этими образами как объединенное государство с сильной центральной властью, не всегда учитывающее в принятии решений интересы всех его частей. Последствия политических ошибок власти переносятся страной стойко и не оказывают влияния на высокую значимость национального статуса для жителей страны.

Социоморфными метафорами в монокультурной перспективе страна представлена в образах «войн» и «игровая площадка». В межкультурной перспективе страна изображена в образе «пассажир военного судна». По нашему мнению, социоморфные метафоры представляют Великобританию

страной, упорно стремящейся к сохранению союза входящих в нее частей. Страна порой не имеет достаточного веса, ввиду осуществления действий, не отвечающих серьезности ситуации.

Антропоморфные метафоры в монокультурной перспективе представлены образами «судно в волнах коронавируса» и «боксер, борющийся с коронавирусом». В межкультурной перспективе Великобритания изображена через образы «группа детей» и «маленький человек». На основании данных образов мы делаем вывод, что Великобритания находится в тревожном положении в активной борьбе с коронавирусной инфекцией. В то время как на международной арене несогласованные действия правительства лишают страну веса и влияния.

Перспективой дальнейшего исследования может стать изучение репрезентации метафорических образов других государств в аспекте «своего» и составление более полного описания метафорического образа Великобритании на основании большего количества креолизованных медиатекстов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеев С.В. Метафора как фактор прагматики речевого общения: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2002. 20 с.
2. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация на материале креолизованных текстов. М.: Академия, 2003. 128 с.
3. Антонова Л.Г. Медiateксты в современной массовой коммуникации // Медiateкст как полиинтенциональная система: сб. статей / под науч. ред. Л.Р. Дускаевой, Н.С. Цветовой. СПб: С.-Петерб. гос. ун-т, 2012. С. 74–80.
4. Аристотель Риторика. Поэтика. М.: АСТ, 2019. 352 с.
5. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс// Теория метафоры: сб. науч. тр. / под. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Изд-во Прогресс, 1990. С. 5–32.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
7. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры: монография М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
8. Балясникова О.В. «Свой-чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2003. 24 с.
9. Большаянова Л.М. Вербальное сопровождение фотоизображения в современной британской прессе: содержание и структура: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. Ленинград, 1986. 17 с.
10. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 215 с.
11. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: монография. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
12. Володина М.Н. Язык СМИ как объект междисциплинарного

исследования и др. М.: Изд-во МГУ, 2003. 472 с.

13. Гак В.Г. К проблеме общих семантических законов // Общее и романское языкознание: сб. науч. тр. / М.: Изд-во Московского Университета, 1972. С. 144–157.

14. Детинко Ю.И. Дискурсивное конструирование чужеродности в современной британской политической коммуникации: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. Волгоград, 2013. 22 с.

15. Детинко Ю.И., Куликова Л.В. Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017. 168 с.

16. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. М.: URSS, 2005. 286 с.

17. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта, 2008. 203 с.

18. Дридзе Т.М., Леонтьев А.А. Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации): коллективная монография. М.: НАУКА, 1976. 238 с.

19. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 489 с.

20. Засурский Я.Н. Колонка редактора: медиатекст в контексте конвергенции // Вестник Московского университета. Серия: 10, Журналистика. 2005. Вып. 2. С. 6–7.

21. Иванюк Б.П. Метафора и произведение (структурно-типологический, историко-типологический и прагматический аспекты исследования). Черновцы: Рута, 1998. 252 с.

22. Илюхина Н.А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации. М.: Флинта: Наука, 2010. 320 С.

23. Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод: монография. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.

24. Казак М.Ю. Специфика современного медиатекста // Лингвистика

речи. Медиастилистика: кол. моногр., посвящ. 80-летию проф. Г.Я. Солганика. М.: Изд-во ФЛИНТА, 2012. С. 320-334.

25. Караваева Д.Н. Английская идентичность и ее дискурс: Британия – Англия – Северная Англия: монография. Екатеринбург: УрО РАН, 2016. 344 с.

26. Кибрик А.А. Мультиmodalная лингвистика // Когнитивные исследования: сб. науч. тр. 2010. Вып. 4. С. 135-152.

27. Красных В. «Свой» среди «чужих» миф или реальность?: монография М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.

28. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1535 с.

29. Кузьмина Н.А. Современный медиатекст. Омск: ФЛИНТА, 2011. 414 с.

30. Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур: монография. Красноярск: РИО КГПУ, 2004. 196 с.

31. Курнаева Н.А. Свои и чужие в коллективной идентичности: социально-философский анализ: автореф. дис. ...канд. филос. наук 09.00.11.: Иваново, 2006. 28 с.

32. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: монография. М.: УРСС, 2004. 256 с.

33. Латуга О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2003. 114 с.

34. Левин С. Избранные труды. Поэтика. Семиотика М.: «Языки русской культуры», 1998. 824 с.

35. Миллер Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры: сб. науч. тр. / под. ред. Н. Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Изд-во Прогресс, 1990. С. 307 – 341.

36. Мишланова С.Л., Исаева Е.В. Стереотипность и творчество в современных исследованиях метафоры // Стереотипность и творчество в

тексте: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 16. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2012. С. 235–244.

37. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Р. н/Д.: Феникс, 2007. 940 с.

38. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: словарь. М.: А ТЕМП, 2013. 874 с.

39. Садохин А.П. «Свой – чужой» в межкультурной коммуникации: подходы к изучению проблемы // Вопр. культурологии. Вып. 3. М.: Издательский дом «Панорама», 2007. С. 15–19.

40. «Свое» и «чужое»: межкультурные коммуникации в полипарадигмальном аспекте / Л.А. Шкатова, Е.В. Харченко, Н.А. Нефедова [и др.]. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2003. 185 с.

41. Сёрль Дж.Р. Метафора // Теория метафоры: сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Изд-во Прогресс, 1990. С. 307–341.

42. Склярская Г.Н. Метафора в система языка. СПб.: Наука, 1993. 149 с.

43. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. 383 с.

44. Смирнова А.Г., Киселев И.Ю. Идентичность в меняющемся мире: монография. Ярославль: Ярославский государственный университет, 2002. 300 с.

45. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиа-текст» // Вестник Московского государственного университета: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. М.: Изд-во Московского государственного университета, 2005. С. 7 – 15.

46. Телия В.Н. Язык и текст. М.: НАУКА, 1988. 173 с.

47. Уилрайт Ф. Методы и реальность // Теория метафоры: сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Изд-во Прогресс,

1990. С. 307–341.

48. Федоров А. Медиаобразование: история, теория и методика. Ростов-на-Дону: ЦВВР, 2001. 141 с.

49. Филиппов К.А. Лингвистика текста. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. 336 с.

50. Харченко В.К. Функции метафоры. Воронеж: Издательство Воронежского Университета, 1992. 88 с.

51. Хахалова С.А. Алгоритм идентификации метафоры // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 2. С. 231–236.

52. Хахалова С.А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. Иркутск: ИГЛУ, 2011, 292 с.

53. Шипилов А.В. «Свои», «чужие» и другие. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 568 с.

54. Чигаев Д.П. Способы креолизации современного рекламного текста: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2010. 25 с.

55. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003. 248 с.

56. Ярцева В.Н. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 682 с.

57. ABC // Industry-owned auditor for media products [Электронный ресурс]. 2009. <https://goo-gl.ru/gLEFY> (дата обращения: 17.05.2021).

58. Asthana A., Syal R. Priti Patel forced to resign over unofficial meetings with Israelis [Электронный ресурс]. 2017. <https://goo-gl.ru/crRPg> (дата обращения: 19.05.2021)

59. Boffey D., O'Carroll L., Quinn B., Murphy S. Brexit: UK negotiators 'believe brinkmanship will reboot trade talks' [Электронный ресурс]. 2020. <https://goo-gl.ru/drfmt> (дата обращения: 19.05.2021).

60. Brooks L. Sturgeon accuses Johnson of using Covid-19 as 'political

weapon' [Электронный ресурс]. 2020. <https://goo-gl.ru/vm26c> (дата обращения: 19.05.2021).

61. Campbell D. NHS leaders raise concerns over pace of Covid vaccine rollout [Электронный ресурс]. 2020. <https://goo-gl.ru/PyRrd> (дата обращения: 19.05.2021).

62. Carrell S., Bowcott O. Did Johnson lie to the Queen? Key questions in supreme court verdict [Электронный ресурс]. 2019. <https://goo-gl.ru/HxH5i> (дата обращения: 19.05.2021).

63. Carrell S. Nicola Sturgeon shelves second Scottish independence referendum [Электронный ресурс]. 2017. <https://goo-gl.ru/wa80W> (дата обращения: 19.05.2021).

64. Chrisafis A., Rankin J. Johnson and Macron to hold 'frank' Brexit talks in Paris [Электронный ресурс]. 2019. <https://goo-gl.ru/PMMaR> (дата обращения: 19.05.2021).

65. Chilton P. Analysing political discourse: Theory and practice. London: Routledge, 2004. 226 p.

66. Dehghan S., Elgot J., Walker P. Nazanin Zaghari-Ratcliffe requests meeting with Boris Johnson [Электронный ресурс]. 2017. <https://goo-gl.ru/WV8pk> (дата обращения: 19.05.2021).

67. Dodd V., Siddique H., Walker P. Javid backs police as they seek £15m fund to tackle knife crime [Электронный ресурс]. 2019. <https://goo-gl.ru/AhxFy> (дата обращения: 19.05.2021).

68. Fairclough N. Language and power. 2nd edition. Essex: Pearson Education Limited, 2001. 226 p.

69. Fairclough N. Media Discourse. Trowbridge: Redwood Books, 1995. 206 p.

70. Freedland J. Boris Johnson is trashing Britain's reputation. Labour cannot stand by [Электронный ресурс]. 2020. <https://goo-gl.ru/h8EIV> (дата обращения: 19.05.2021).

71. Forceville C. Visual and multimodal metaphor in advertising: cultural

perspectives. Romania: Danubius, 2017. 113 p.

72. Mason R. Brexit: Boris Johnson says EU citizens' rights will be protected 'whatever happens' [Электронный ресурс]. 2017. <https://google.ru/VmkLJ> (дата обращения: 19.05.2021).

73. Moeller S. Openness & Accountability: A Study of Transparency in Global Media Outlets [Электронный ресурс]. 2006. <https://google.ru/VpZIU> (дата обращения: 17.05.2021).

74. Montgomery M. Introduction to Language and Society Studies in Culture and Communication. 2nd edition. London: Routledge, 1995. 271 p.

75. Ponsford D. NRS: Daily Mail most popular UK newspaper in print and online with 23m readers a month [Электронный ресурс]. 2014. <https://google.ru/N2qTP> (дата обращения: 17.05.2021).

76. Rankin J. Brexit deal solution at risk from ticking clock, not Merkel or Macron [Электронный ресурс]. 2019. <https://google.ru/Iwor8> (дата обращения: 19.05.2021).

77. Savage M. Boris Johnson should resign as PM, 43% of people tell survey [Электронный ресурс]. 2021. <https://google.ru/HPqob> (дата обращения: 19.05.2021).

78. Sparrow A. Conservative conference 2017: Boris Johnson urges Tories to 'let the lion roar' in upbeat speech - as it happened [Электронный ресурс]. 2017. <https://google.ru/C39pp> (дата обращения: 19.05.2021).

79. Sparrow A., Rawlinson K. Brexit: Jeremy Corbyn calls on Boris Johnson to resign after supreme court ruling – as it happened [Электронный ресурс]. 2019. <https://google.ru/Ni3yG> (дата обращения: 19.05.2021).

80. The Guardian // The Scott Trust: values and history [Электронный ресурс]. 2015. <https://google.ru/q82W6> (дата обращения: 17.05.2021).

81. Vakil S. Iran is upping the ante in the Gulf. The UK must not take the bait [Электронный ресурс]. 2019. <https://google.ru/ohtIj> (дата обращения: 19.05.2021).

82. Waterson J. Guardian most trusted newspaper in Britain, says industry

report [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://goo-gl.ru/S3VSd> (дата обращения: 17.05.2021).

83. Weaver M. Police chief says rise in knife crime in England is national emergency [Электронный ресурс]. 2019. <https://goo-gl.ru/3IpwJ> (дата обращения: 19.05.2021).

84. Wodak R. The discursive construction of national identity. 2nd edition. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd, 2009. 276 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Bell S. Steve Bell on Boris Johnson's Brexit meetings with Merkel and Macron [Электронный ресурс]. 2019a. URL: <https://goo-gl.ru/uI9Ru> (дата обращения: 10.06.2021).
2. Bell S. Steve Bell on Boris Johnson's suspension of parliament [Электронный ресурс]. 2019b. URL: <https://goo-gl.ru/A0caa> (дата обращения: 10.06.2021).
3. Bell S. Steve Bell on Priti Patel and Boris Johnson [Электронный ресурс]. 2017a. URL: <https://goo-gl.ru/1nVPZ> (дата обращения: 10.06.2021).
4. Bell S. Steve Bell on the Conservative party sack race [Электронный ресурс]. 2017b. URL: <https://goo-gl.ru/WmbFH> (дата обращения: 10.06.2021).
5. Bell S. Steve Bell on the DUP's fresh blow to the prime minister's Brexit plans [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://goo-gl.ru/IKe1I> (дата обращения: 10.06.2021).
6. Bell S. Steve Bell on the second Scottish independence referendum – cartoon [Электронный ресурс]. 2017c. URL: <https://goo-gl.ru/P2aVr> (дата обращения: 10.06.2021).
7. Bell S. Steve Bell on Boris Johnson's conference speech [Электронный ресурс]. 2017d. URL: <https://goo-gl.ru/Rschs> (дата обращения: 10.06.2021).
8. Bell S. Steve Bell on Boris Johnson's trip to Scotland [Электронный ресурс]. 2020a. URL: <https://goo-gl.ru/yTEhc> (дата обращения: 10.06.2021).
9. Bell S. Steve Bell on Boris Johnson and Foreign Office questions [Электронный ресурс]. 2017e. URL: <https://goo-gl.ru/bZf5v> (дата обращения: 10.06.2021).
10. Bell S. Steve Bell on Boris Johnson's Brexit bill becoming law [Электронный ресурс]. 2020b. URL: <https://goo-gl.ru/BfWEK> (дата обращения: 10.06.2021).

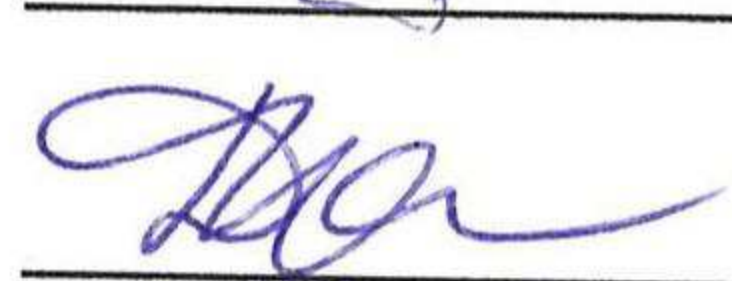

11. Jennings N. Nicola Jennings on Theresa May, knife crime and Brexit [Электронный ресурс]. 2019a. URL: <https://goo-gl.ru/VR1gS> (дата обращения: 10.06.2021).
12. Jennings B. Ben Jennings on Boris Johnson's fight against the Covid-19 pandemic [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://goo-gl.ru/1tJ2Y> (дата обращения: 10.06.2021).
13. Jennings B. Ben Jennings on rising tensions between Iran and the west [Электронный ресурс]. 2019b. URL: <https://goo-gl.ru/M5rDs> (дата обращения: 10.06.2021).
14. Jennings B. Ben Jennings on round two of Brexit talks [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://goo-gl.ru/j8G30> (дата обращения: 10.06.2021).
15. Jennings B. Ben Jennings on UK and France crisis talks to reopen border [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://goo-gl.ru/BO9JB> (дата обращения: 10.06.2021).
16. Mooney H. London Mayor Boris Johnson looming like a spectre on a faulty zip-line, was not unlike watching London host the Olympics [Электронный ресурс]. 2012. URL: <https://goo-gl.ru/XhNw3> (дата обращения: 10.06.2021).
17. Rowson M. Martin Rowson on Johnson's Brexit brinkmanship [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://goo-gl.ru/zr0ib> (дата обращения: 10.06.2021).
18. Shere S. Hindenburg disaster [Электронный ресурс]. 1937. URL: <https://goo-gl.ru/tTaSO> (дата обращения: 10.06.2021).

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ТГЯиМКК
 О.В. Магировская
« 18 » июня 2021 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
**МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В
БРИТАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ:
МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

45.04.02 Лингвистика
45.04.02.01.00 Межкультурная коммуникация и перевод

Магистрант		В.В. Белёва
Научный руководитель		канд. филол. наук, доц. кафедры ТГЯиМКК Ю.И. Детинко
Нормоконтролер		Я.М. Янченко

Красноярск 2021